

Возобновление производства ввиду вновь открывшихся обстоятельств.

2. Таким образом, приведенное выше дает основание прийти к выводу о том, что следует говорить о неопровержимости того, что Бохонова А.В. судили суды не независимые и не беспристрастные, поскольку имели место **стандартные процессуальные нарушения** в виде:

- 1) непредоставления всей документации, **нужной** для обеспечения справедливого судебного разбирательства и **неинформирования об обосновании вывода о виновности**, а также нерассмотрение доводов Жертвы (п. 11.4 Соображений КПЧ от 25.10.02 г. по делу «Пезольдова против Чешской Республики», п. 7.7 Соображений от 24.07.14 г. по делу «Олег Волчек против Республики Беларусь», п.п. 7.2, 7.6 Соображения КПЧ от 15.07.16 г. по делу «Д.Т. против Канады»);
- 2) систематического сокрытия от стороны защиты доказательств, находящихся в распоряжении властей (п. 8.4 Соображений КПЧ от 29.10.02 г. по делу «Желудков против Украины», п. 8.4 Соображения КПЧ от 20.10.09 г. по делу «Холида Тураева против Узбекистана», п. 6.2 Соображений от 17.10.14 г. по делу «Татьяна Шихмурадова против Туркменистана», п. 8.3 Соображений от 01.04.15 г. по делу «Сапардурда Хаджиев против Туркменистана», п. 7.2 Соображения КПЧ от 11.03.16 г. по делу «Медждуб Шани против Алжира»);
- 3) дискриминации, выразившейся в **отказе в доступе к соответствующим документам, которые могли подтвердить правомерность претензии** стороны защиты (п. 11.6 Соображений КПЧ от 25.10.02 г. по делу «Пезольдова против Чешской Республики»);
- 4) нарушения принципа равенства сторон и лишения возможности ставить вопросы перед прокурором, приносить возражения на его фантазии и высказывать реплики (п. 7.4 Соображений от 24.10.01 г. по делу «Анни Эреля и другие против Финляндии», п. 7.1 Соображения КПЧ от 24.07.08 г. по делу «Бандаранаяке против Шри-Ланки», п. 6.6 Соображений от 17.10.14 г. по делу «Татьяна Шихмурадова против Туркменистана», п. 9.3 Соображений от 16.10.14 г. по делу Али Джахангир оглы Гулиев против Азербайджана»);
- 5) ограничения права Жертвы на защиту с помощью выбранного ею самой защитника (п. 5.10 Соображений КПЧ от 08.04.91 г. по делу «Пол Келли против Ямайки», п. 6.6 Соображения КПЧ от 26.03.92 г. по делу «Дитер Вольф против Панамы», п. 6.8 Соображения КПЧ от 08.07.04 г. по делу «Саидов против Таджикистана» п. 11.5 Соображений КПЧ от 29.10.12 г. по делу «Любовь Ковалева и Татьяна Козяр против Беларуси», п. 8.5 Соображений КПЧ от 30.10.13 г. по делу «Светлана Жук против Беларуси»);
- 6) тотальное нарушение возможности консультироваться с избранными ли или навязанными защитниками (п. 8.5 Соображений КПЧ от 20.07.2000 г. по делу «Дмитрий Л. Гридин против РФ», п. 7.2 Соображений КПЧ от 14.07.03 г. по делу «Рис против Ямайки», п. 8.5 Соображений КПЧ от 30.10.13 г. по делу «Светлана Жук против Беларуси»);
- 7) недостаточное время и возможности для подготовки к своей защите (п. 6.3 Соображений КПЧ от 05.11.91 г. по делу «Николь Фийастр против Боливии», п. 7.3 Соображений от 21.10.05 г. по делу «Киспе Роке против Перу», п. 8.9 Соображений КПЧ от 10.10.14 г. по делу «Валентин Еврезов, Владимир Непомнящих, Василий Поляков и Валерий Рыбченко против Беларуси», п. 11.5 Соображений КПЧ от 29.10.12 г. по делу «Любовь Ковалева и Татьяна Козяр против Беларуси», п. 8.5 Соображений КПЧ от 30.10.13 г. по делу «Светлана Жук против Беларуси»);
- 8) неспособности правоХоронителей **правильно** толковать и применять нормы действующего законодательства к подлежащим установлению правоотношениям, в результате чего имел место отказ в Правосудии (п. 7.5 Соображений КПЧ от 28.03.07 г. по делу «Максим Гаврилин против Беларуси», п.п. 7.9, 7.10 Соображений КПЧ от 19.07.11 г. по делу «Бутовенко против Украины», п. 9.6 Решения от 23 июля 2015 г. по делу «Х.Н.Г.П. против Уругвая»);
- 9) серьезных ограничений и отказ в праве вызывать и допрашивать в качестве свидетелей, включая запрет на проведение перекрестного допроса «психиатров» и

- «потерпевших» (п. 7.1 Соображений от 26.03.02 г. по делу «Гутьеррес Виванко против Перу», п. 6.4 Соображений КПЧ от 28.10.02 г. по делу «Хендрикс против Гайяны», п. 7.3 Соображений от 21.10.05 г. по делу «Киспе Роке против Перу», п. 7.5 Соображений КПЧ от 25.10.10 г. по делу «Анна Кореба против Беларуси», п. 165 Сообщения от 09.11.10 г. по делу «Евгений Жовтис против Казахстана», п. 8.4 Соображений от 01.04.15 г. по делу «Василий Юзепчук против Республики Беларусь»);
- 10) вынесения решений на основе недопустимых доказательств и лишение стороны защиты возможности оспорить их (п. 7.4 Соображений от 24.10.01 г. по делу «Анни Эреля и другие против Финляндии», п.п. 7.9, 7.10 Соображений КПЧ от 19.07.11 г. по делу «Бутовенко против Украины»);
 - 11) незаконных удалений из судебных процессов посредством фальсификации доказательств и злоупотребления правом, а также бесчеловечного и унижающего достоинство обращения (п.п. 13.10, 18.9 Соображений от 06.04.98 г. по делу «Виктор Домуковский и другие против Грузии», п. 10.4 Соображений от 25.03.15 г. по делу «А.Х.Г. против Канады», п. 11.5 Соображений от 26.03.15 г. по делу «М. Дж. К. против Австралии»);
 - 12) бесчеловечного обращения, выразившегося в содержании в металлических клетках и наглого нарушения принципов справедливого разбирательства дела посредством игнорирования доводов Жертвы (п. 13.10 Соображений КПЧ от 06.04.98 г. по делу «Виктор Домуковский и другие против Грузии», п. 6.1 Соображений от 19.03.07 г. по делу «Афусон против Камеруна», п. 11.4 Соображений КПЧ от 29.10.12 г. по делу «Любовь Ковалева и Татьяна Козяр против Беларуси», п. 10.4 Соображений от 25.03.15 г. по делу «А.Х.Г. против Канады»);
 - 13) лишения возможности незамедлительного обжалования незаконных отказов в удовлетворении отводов и удалений, когда возникают необратимые меры, препятствующие надлежащему рассмотрению дела (п.п. 6.2 – 6.4, 9.6 Соображений КПЧ от 03.04.03 г. по делу «Вайс против Австрии»);
 - 14) суды не отвечали базовым стандартам справедливого судебного разбирательства и, в частности, требованию о том, что суд должен быть независимым и беспристрастным (п. 8.8 Соображений от 06.11.97 г. по делу «Полай Кампос против Перу», п. 6.3 Соображения от 08.07.04 г. по делу «Светик против Беларуси», п. 6.5 Соображений КПЧ от 20.03.07 г. по делу «Ашуров против Таджикистана», п. 6.6 Соображений от 17.10.14 г. по делу «Татьяна Шихмурадова против Туркменистана» п. 7.7 Соображений от 24.07.14 г. по делу «Олег Волчек против Республики Беларусь»), поскольку не было даже видимости этих беспристрастности и независимости, как того требовал п. 1 ст. 14 Пакта в интерпретации КПЧ ООН, выраженной в п. 7.2 Соображений КПЧ от 21.10.92 г. по делу «Арво О. Карттунен против Финляндии», где он установил, что «суд **обязан** также представлять как беспристрастный в глазах **разумного** наблюдателя»;
 - 15) лишения **доступа к должным образом обоснованному, составленному в письменной форме приговору суда** и к таким документам, как протоколы судебных заседаний, **что необходимо для эффективной реализации права на обжалование** (п. 8.5 Соображений КПЧ от 01.11.91 г. по делу «Астон Литтл против Ямайки», п. 7.2 Соображений КПЧ от 24.07.14 г. по делу «Герт Ян Тиммер против Нидерландов»);
 - 16) систематического лишения **тщательного рассмотрения по существу в апелляции «как на основе достаточности доказательств, так и с точки зрения вопросов права и факта»** (п. 6.5 Соображения КПЧ от 08.07.04 г. по делу «Саидов против Таджикистана», п. 10.3 Соображения КПЧ от 28.03.06 г. по делу «Бандажевский против Беларуси», п. 8.3 Соображения КПЧ от 27.07.10 г. по делу «Томас Вильгельмус Хенрикус Меннен против Нидерландов», п. 9.2 Соображений от 16.07.14 г. по делу «Т.Л.Н. против Норвегии»);
 - 17) систематического нарушения сроков рассмотрения дел в апелляции, то есть наглого нарушения разумных сроков (п. 6.6 Соображений КПЧ от 05.11.91 г. по делу «Николь Фийастр против Боливии», п. 5.11 Соображений КПЧ от 08.04.91 г. по делу «Пол Келли против Ямайки», п. 7.3 Соображений от 16.10.14 г. по делу «Эмилио Энрике Гарсиа Боливар против Боливарианской Республики Венесуэла»);

- 18) систематического отказа изложения **мотивов** принимаемых **решений** и **транспарентности процедуры их принятия** (п. 7.5 Соображений от 01.04.15 г. по делу «К. против Дании»);
- 19) систематического нарушения принципа презумпции невиновности, то есть наглого отказа опровергать доводы стороны защиты (п. 5.14 Соображений КПЧ от 08.04.91 г. по делу «Пол Келли против Ямайки», п. 3.6 Соображений КПЧ от 14.07.03 г. по делу «Рис против Ямайки», п.п. 6.6, 6.7 Соображений КПЧ от 20.03.07 г. по делу «Ашуров против Таджикистана», п. 8.3 Соображения КПЧ от 27.07.10 г. по делу «Томас Вильхельмус Хенрикус Меннен против Нидерландов», п. 11.4 Соображений КПЧ от 29.10.12 г. по делу «Любовь Ковалева и Татьяна Козяр против Беларуси», п. 7.7 Соображений от 24.07.14 г. по делу «Олег Волчек против Республики Беларусь»);
- 20) все перечисленные нарушения, то есть **бесчеловечное и унижающее достоинство обращение** (ст. 7 Пакта, ст. 3 Конвенции, ст. 21 Конституции РФ), обусловленное психологическими Пытками и Истязаниями (ст. 117 УК РФ) на **дискриминационной основе** (ст. 26 Пакта, ст. 14 Конвенции, ч.ч. 1, 2 ст. 19 Конституции РФ) должны порождать **правовые последствия** в виде **обязательности** проведения незамедлительной, тщательной и эффективной проверки (ст.ст. 136, 285, 286 УК РФ, ст.ст. 144, 145 ПК РФ) и привлечению к ответственности виновных (п. 5.7 Соображений КПЧ от 08.04.91 г. по делу «Пол Келли против Ямайки», п.п. 11.7, 11.8 Соображений КПЧ от 25.10.06 г. по делу «Альзери против Швеции», п.п. 10.2, 10.3 Соображений КПЧ от 04.04.01 г. по делу «Джозеф Каванах против Ирландии», п.п. 7.4, 7.5 Соображений КПЧ от 19.07.11 г. по делу «Бутовенко против Украины», п. 11.2 Соображений КПЧ от 29.10.12 г. по делу «Любовь Ковалева и Татьяна Козяр против Беларуси», п.п. 8.7, 8.8 Соображений КПЧ от 18.07.13 г. по делу «Исмаил аль-Хазми против Ливии», п. 10.4 Соображений от 25.03.15 г. по делу «А.Х.Г. против Канады», п. 8.4 Соображений от 01.04.15 г. по делу «Сапардурда Хаджиев против Туркменистана», п. 9.3 решения от 01.04.15 г. по делу «Ольга Козулина против Республики Беларусь», п. 8.2 Соображений КПЧ от 01.04.15 г. по делу «Василий Юзепчук против Республики Беларусь», п.п. 8.2, 8.6 Сообщения от 27.10.05 г. по делу «Нилия Эрика Баутиста де Ареллана против Колумбии», п.п. 7.4, 7.5, 7.8, 7.11 Соображения КПЧ от 31.03.16 г. по делу «Аманда Джейн Меллет против Ирландии», п. 6.3 Соображения КПЧ 21.10.16 г. по делу «Жахангир Базаров против Кыргызстана»).

То есть мы имеем **стандартную** ситуацию, когда «... разбирательство, рассматриваемое в целом, можно считать справедливым, если **любые** дефекты первоначального судебного разбирательства впоследствии исправляются апелляционными судами (...)... в данном случае ... **ни один** из недостатков в ходе первоначального судебного разбирательства не были устранены ни судом апелляционной инстанции или Верховным Судом, поскольку эти суды либо отказывали (апелляционный суд), либо не имели компетенции (Верховный суд) рассмотреть просьбу провести новое слушание по вопросам факта и права, что могло бы повлечь за собой новое судебное рассмотрение доказательств и представленные сторонами правовые и фактические аргументы. Кроме того, суды просто повторили выводы суда первой инстанции и не рассмотрели многочисленные жалобы заявителей о различных дефектах в судебном заседании, отвергая эти жалобы как необоснованные без каких-либо аргументов» (§ 214 Постановления от 26.07.11 г. по делу «Хусейн и другие против Азербайджана»).

Важно, что «судья **явно нарушил свое обязательство в отношении беспристрастности и независимости...**» (п. 5.13 Соображений КПЧ от 08.04.91 г. по делу «Пол Келли против Ямайки»), «**не рассмотрел ни одного из законных требований ... , создавал стрессовые ситуации и открыто нарушал закон**» (п. 13.10 Соображений КПЧ от 06.04.98 г. по делу «Виктор Домуковский и другие против Грузии») и «процедура не является объективной и обоснованной, когда она не соответствует **основным требованиям** к процессуальной справедливости» (п. 7.1 Соображения КПЧ от 24.07.08 г. по делу «Бандаранаяке против Шри-Ланки»). То есть, при описанных условиях Жертвы **не** участвуют в судебных процессах, а в лучшем случае присутствуют в них в качестве статистов.

2.1 Теперь необходимо рассмотреть вопрос: в каком порядке необходимо рассматривать дело Бохонова А.В. (Сусолкина К.А., Долбаненко А.Н., Петрова Ю.В. и

т.д.)? В абзаце 1 п. 2 мот. части Определения № 1248-О от 28.06.12 г. Конституционный Суд определил, что **«конституционное право на судебную защиту как основное, неотчуждаемое право человека, ВЫСТУПАЮЩЕЕ ГАРАНТИЕЙ РЕАЛИЗАЦИИ ВСЕХ ДРУГИХ ПРАВ И СВОБОД, - это не только право на обращение в суд, но и право на ЭФФЕКТИВНОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ нарушенных прав и свобод посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости».**

2.2 В абзаце 3 п. 2 мот. части разъяснено, что «судебная защита прав и свобод предполагает в том числе обжалование в суд решений и действий (бездействия) **ЛЮБЫХ** государственных органов, **ВКЛЮЧАЯ СУДЕБНЫЕ**, а потому отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт не согласуется с универсальным **ПРАВИЛОМ ЭФФЕКТИВНОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ В ПРАВАХ** посредством правосудия, **ОТВЕЧАЮЩЕГО ТРЕБОВАНИЯМ СПРАВЕДЛИВОСТИ**, умаляет и ограничивает данное право». При этом судебное решение **ДОЛЖНО** содержать «**правовую определенность**, включая признание законной силы судебных решений, их **неопровержимости (res judicata)** ...».

То есть, **основным условием** правовой определенности судебного решения является его **неопровержимость**, что будет объяснено ниже.

2.2.1 Абзац 4 п. 2 мот. части устанавливает, что «**Конвенция** о защите прав человека и основных свобод в принципе допускает пересмотр судебного решения, вступившего в законную силу, по вновь открывшимся обстоятельствам для исправления ошибок уголовного судопроизводства, в том числе для исправления **СУЩЕСТВЕННОГО (ФУНДАМЕНТАЛЬНОГО) НАРУШЕНИЯ** или **НЕНАДЛЕЖАЩЕГО ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ**; процедура отмены окончательного судебного решения предполагает, что **имеются доказательства, которые ранее не были объективно доступными и которые могут привести к иному результату судебного разбирательства**; лицо, требующее отмены судебного решения, должно доказать, что у него **не было возможности представить доказательство до окончания судебного разбирательства и что такое доказательство имеет решающее значение в деле...**».

2.3 Так как при вынесении оспариваемых постановлений было нарушено **фундаментальное право** на справедливое разбирательство дела на основе состязательности и равноправия сторон, гарантированное ст. 10 Всеобщей декларации, п. 1 ст. 14 Пакта, п. 1 ст. 6 Конвенции, ч. 1 ст. 46, ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, ч.ч. 1, 4 ст. 15, ч. 1 ст. 243 УПК РФ, что выразилось в фальсификации доказательств и **отсутствии их оценки**, а также неправильного толкования и применения **соответствующих** норм действующего законодательства, то есть **не было известно, что Кривосудие отправляли Особо Опасные Преступники**, поэтому дело подлежит возобновлению ввиду вновь открывшихся обстоятельств, что **обосновано** в абзаце 5 п. 3 мот. части Определения КС РФ № 1248-О от 28.06.12 г.: «Использование механизма пересмотра вступившего в законную силу приговора в процедуре возобновления производства по уголовному делу и в случае, когда после исчерпания возможностей судебного надзора будет выявлена неправомерность приговора, **ЯВИВШАЯСЯ РЕЗУЛЬТАТОМ** либо **ИГНОРИРОВАНИЯ СОБРАННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ**, нашедших отражение в материалах дела, либо **ИХ ОШИБОЧНОЙ ОЦЕНКИ**, либо **НЕПРАВИЛЬНОГО ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНА**».

Мы имеем и игнорирование имевшихся доказательств, и ошибочную их оценку (вернее отсутствие оценки на предмет допустимости, достоверности и **достаточности**), и **неправильное** применение норм материального и процессуального права, о чем сказано выше.

Важно иметь в виду лишь главное: момент нарушения и способы этого нарушения и влияние нарушения на вынесенное решение, поскольку всё должно вернуться именно к этому моменту.

2.3.1 Абзац 7, а также следующие за ними абзацы 8, 9 п. 3 предписывают, что «международные акты, в частности **Международный пакт о гражданских и**

политических правах ([пункт 6 статьи 14](#)), предусматривающий возможность пересмотра окончательных решений судов, если какое-либо новое или вновь обнаруженное обстоятельство **НЕОСПОРИМО ДОКАЗЫВАЕТ** наличие судебной ошибки, **закрепляют более широкие возможности для исправления судебных ошибок**, чем уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации. Приведенная международно-правовая [норма](#), в силу [статьи 15 \(часть 4\)](#) Конституции Российской Федерации **являющаяся составной частью правовой системы России, ИМЕЕТ ПРИОРИТЕТ** перед внутренним законодательством по вопросам защиты прав и свобод, нарушенных в результате судебных ошибок.

Ограничение круга оснований к возобновлению уголовного дела в целях пересмотра незаконного или необоснованного судебного решения, не подлежащего исправлению ни в каком другом порядке, делает невозможными обеспечение правосудности судебных актов и восстановление судом прав и законных интересов граждан и иных лиц, что приводит к нарушению положений Конституции Российской Федерации ([статьи 2, 17, 18, 45 и 46](#)), а также Международного пакта о гражданских и политических правах ([пункт 6 статьи 14](#)) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод ([статья 6](#); [статья 3](#) и [пункт 2 статьи 4](#) Протокола N 7), из которых вытекает **необходимость пересмотра судебного решения, если обнаруживается какое-либо новое или вновь открывшееся обстоятельство, которое не может не повлиять на существо этого решения (...)**.

Приведенные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации сохраняют свою силу и согласно [статье 6](#) Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" **ЯВЛЯЮТСЯ ОБЯЗАТЕЛЬНЫМИ ДЛЯ ВСЕХ** представительных, **ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ** и **СУДЕБНЫХ** органов государственной власти на всей территории Российской Федерации».

2.4 Однако, следует вспомнить **очень важные** доводы Конституционного Суда РФ, выраженные в п. 6 мот. части Постановления № 4-П от 02.02.96 г.: «... Введение жестко ограниченного по объему понятия вновь открывшихся обстоятельств, позволяющих возобновить уголовное дело, по существу освобождает государство от **обязанности** обеспечивать **приоритетную защиту** прав и свобод в случаях судебных ошибок, не выявленных в обычном надзорном порядке, и ограничивает право каждого защищать свои интересы в таких ситуациях всеми не запрещенными законом способами (статья 45, часть 2, Конституции Российской Федерации). **Какие-либо ограничения** прав и свобод граждан согласно статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации **допустимы только** на **основе** федерального закона и, следовательно, лишь **в строгом соответствии с ним**. В случаях судебных ошибок, повлекших незаконное и необоснованное осуждение, напротив, права граждан ограничиваются приговором, не основанным на законе, противоречащим его требованиям, что во всяком **случае должно расцениваться как нарушение приведенных положений Конституции Российской Федерации** и в соответствии с ее статьей 18 **подлежит устранению правосудием**. Законодатель **не вправе** ограничить эти конституционные прерогативы правосудия. Суды, гарантируя государственную защиту прав и свобод, обеспечивают конституционное право каждого осужденного на пересмотр приговора в порядке, установленном федеральным законом (статья 50, часть 3, Конституции Российской Федерации). Однако федеральный закон, устанавливающий порядок пересмотра приговоров, **не может отменять или умалять права и свободы человека и гражданина, посягать на их основное содержание** (статья 55, часть 2 Конституции Российской Федерации), а также **вводить какие-либо ограничения** конституционных прав, **которые не вызываются необходимостью защиты социальных ценностей, перечисленных в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации**, так как **это ведет к умалению прав и свобод граждан**. Между тем из положений пункта 4 части второй статьи 384 УПК РСФСР реально вытекает прямо противоположное установление, фактически ограничивающее право граждан на судебную защиту и являющееся нормативно закрепленным основанием для отказа в правосудии как в его процессуальном смысле, так и в материально - правовом содержании. **Это не соответствует статье 46 Конституции Российской Федерации**, согласно которой каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Причем право на судебную защиту, в целом реализуемое через совокупность различных процессуальных средств, относится к числу прав, не подлежащих ограничению (статья 56, часть 3 Конституции

Российской Федерации). Вместе с тем **правосудие по самой своей сути может признаваться таковым лишь при условии**, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах (статья 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года; статья 8 Всеобщей декларации прав человека 1948 года). **Справедливость как основополагающая идея** находит свое закрепление и во вводных положениях к Конституции Российской Федерации. **Ошибочное судебное решение не может рассматриваться как справедливый акт правосудия и должно быть исправлено.** Международный пакт о гражданских и политических правах, исходя из материального содержания правосудия и **приоритета в нем прав человека**, подчеркивает, что **цель исправления судебных ошибок служит основанием для пересмотра окончательных решений судов**, "если какое-либо новое или вновь обнаруженное обстоятельство неоспоримо доказывает наличие судебной ошибки" (пункт 6 статьи 14). **Данная международно-правовая норма закрепляет более широкие возможности для исправления судебных ошибок**, чем действующий Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, и в силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации, **являясь составной частью правовой системы России, имеет приоритет перед внутренним законодательством по вопросам защиты прав и свобод, нарушенных в результате судебных ошибок.** При отсутствии других механизмов **установление в законе фактического запрета обращаться к органам судебной власти за защитой от ошибочных решений** в случаях, не подпадающих под признаки пункта 4 части второй статьи 384 УПК РСФСР, **означает для человека обязанность подчиниться незаконному, необоснованному осуждению. Лишение права оспаривать такое осуждение явно умаляет достоинство личности. Между тем в соответствии со статьей 21 Конституции Российской Федерации "ничто не может быть основанием для его умаления".**

2.5 В п. 2 мот. части Постановления № 30-П от 21.12.11 г. Конституционный Суд РФ достаточно подробно объяснил значение норм международного права в правоприменении и их верховенстве и **постановил**, что «**каждый** человек для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения **имеет право** на то, чтобы его дело было рассмотрено **с соблюдением всех требований** справедливости независимым и беспристрастным судом, т.е. при предоставлении на основе **полного равенства процессуальных гарантий справедливого судебного разбирательства**». Также КС постановил, что «указанные **общие принципы** осуществления правосудия **распространяются на все ... виды судопроизводства** - конституционное, гражданское, административное и уголовное и **являются для них едиными, вне зависимости от природы и особенностей материальных правоотношений, определяющих предмет рассмотрения в каждом виде судопроизводства**, в рамках которого граждане реализуют конституционное право на судебную защиту».

2.5.1 Пункт 3.1 обязывает: «Признание **преюдициального значения** судебного решения, будучи направленным на обеспечение стабильности и общеобязательности судебного решения, **исключение возможного конфликта судебных актов**, предполагает, что факты, **установленные** судом при рассмотрении одного дела, впредь **до их опровержения** принимаются другим судом по другому делу **в этом же или ином виде судопроизводства**, если они имеют значение для разрешения данного дела. Тем самым **преюдициальность служит средством поддержания непротиворечивости судебных актов и обеспечивает действие** принципа **правовой определенности**. Наделение судебных решений, вступивших в законную силу, свойством преюдициальности - сфера дискреции федерального законодателя, который мог бы прибегнуть и к другим способам **обеспечения непротиворечивости** обязательных судебных актов в правовой системе, но **не вправе** не установить те или иные институты, необходимые для достижения данной цели. Введение же института преюдиции **требует соблюдения баланса** между такими конституционно защищаемыми ценностями, как общеобязательность и **непротиворечивость** судебных решений, с одной стороны, и независимость суда и **состязательность судопроизводства** - с другой. Такой **баланс** обеспечивается посредством установления **пределов** действия преюдициальности, а также **порядка ее опровержения**. При этом не отрицается, а,

напротив, предполагается необходимость пересмотра решений, вступивших в законную силу, с тем чтобы **в правовой системе не могли иметь место судебные акты, содержащие взаимоисключающие выводы**. Регулирование института пересмотра вступивших в законную силу ошибочных судебных актов соотносится с международно-правовыми нормами, также признающими как обязательность исполнения судебных решений (*res judicata*), так и необходимость исправления судебных ошибок **в случаях, если имеются сведения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах или если в ходе предыдущего разбирательства были допущены существенные нарушения, повлиявшие на исход дела** (пункт 2 статьи 4 Протокола N 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод). Таким образом, как признание, так и отрицание преюдициального значения окончательных судебных решений не могут быть абсолютными и имеют определенные, установленные процессуальным законом пределы. Как указал Конституционный Суд РФ, исключительная по своему существу возможность преодоления окончательности вступивших в законную силу судебных актов **предполагает установление таких особых процедур и условий их пересмотра, которые отвечали бы прежде всего требованиям правовой определенности**, обеспечиваемой признанием законной силы судебных решений, **их неопровержимости**, что применительно к решениям, принятым в ординарных судебных процедурах, **может быть поколеблено**, если какое-либо новое или вновь открывшееся обстоятельство или обнаруженные фундаментальные нарушения **неоспоримо свидетельствуют** о судебной ошибке, **без устранения которой компетентным судом невозможно возмещение причиненного ущерба** (...). Такой подход корреспондирует практике Европейского Суда по правам человека, который полагает, что отступление от требований правовой определенности может быть оправдано только обстоятельствами существенного и **непреодолимого** свойства и что **пересмотр окончательного судебного решения возможен** лишь **для исправления фундаментального нарушения** или **ненадлежащего отправления правосудия** (...).

Таким образом, если имеется **опровержение** обстоятельств, изложенных, но значит **не установленных**, то есть недоказанных в судебном решении, то эти обстоятельства не могут восприниматься как установленные факты, поскольку **факты – это доказуемая реальность**, а не предположение о ней, а само решение подлежит пересмотру и оснований для признания преюдициального значения **этих обстоятельств** не имеется. Тот же смысл, что изложен выше, приведен и в п. 2 мот. части Определения КС № 589-О от 28.03.17 г. Однако важным является то, что **ненадлежащее отправление правосудия** (абзац 9 п. 3.1 мот. части Постановления КС РФ № 30-П от 21.12.11 г.), то есть процессуальные нарушения, во взаимосвязи с недопустимостью **игнорирования имеющихся в деле доказательств** (абзац 5 п. 3 мот. части Определения КС РФ № 1248-О от 28.06.12 г) является вновь открывшимися обстоятельствами, которые служат **безусловным основанием** для пересмотра вынесенного решения.

2.5.2 При этом необходимо иметь в виду, что «институт преюдиции, являясь выражением дискреции законодателя в выборе конкретных форм и процедур судебной защиты и будучи **направлен** на обеспечение действия законной силы судебного решения, его общеобязательности и стабильности, **на исключение возможного конфликта различных судебных актов, подлежит применению с учетом принципа свободы оценки доказательств судом, вытекающего из конституционных принципов независимости и самостоятельности судебной власти**» (абзац 1 п. 3.3 мот. части там же).

То есть, суд не вправе ссылаться на какие-либо обстоятельства, выраженные в другом судебном решении без **адекватной** оценки этих обстоятельств. Однако в любом случае необходимо иметь в виду, что «подлог или фальсификацию доказательств, - такого рода доказательства исследуются в процедурах, установленных уголовно-процессуальным законом, и могут в дальнейшем повлечь пересмотр гражданского дела. **Обстоятельства фальсификации доказательств как уголовно наказуемого деяния не составляют предмета доказывания по гражданскому делу**. Данные фактические обстоятельства **выходят за рамки объективных пределов законной силы судебного решения, вынесенного в гражданском судопроизводстве**, и составляют предмет доказывания по уголовному делу,

возбужденному по признакам соответствующего преступления, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации (абзацы 3, 4 п. 4 мот. части там же)... в уголовно-правовых процедурах исследуется вопрос, не входивший в предмет доказывания по гражданскому делу, - о фальсификации доказательств именно как уголовно наказуемом деянии, которая в случае ее установления может явиться основанием для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам решения по гражданскому делу... Следовательно, **статья 90 УПК РФ не может рассматриваться как препятствующая расследованию подлога, фальсификации доказательств или другого преступления против правосудия, совершенного кем-либо из участников процесса (судьей, стороной, свидетелем и др.), и, соответственно, привлечению к уголовной ответственности лиц, участвующих в гражданском деле, за совершенные ими преступления, связанные с его рассмотрением и разрешением»** (абзацы 3, 5 п. 4.2 мот. части там же).

2.6 Порядок возобновления производства ввиду вновь открывшихся обстоятельств **в ходе судебного заседания разъяснен** в абзаце 2 п. 6 Постановления КС № 6-П от 16.05.07 г.: «Исходя из данной правовой позиции, сформулированной в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 года N 2-П, **именно на этих стадиях уголовного судопроизводства, где в наибольшей мере получают свое воплощение принципы процессуальной деятельности, в первую очередь должны в максимальной степени обеспечиваться условия для вынесения законных, обоснованных и справедливых решений, что, в частности, предполагает принятие судом первой инстанции по заявлению сторон о наличии новых или вновь открывшихся обстоятельств, могущих иметь существенное значение для разрешения дела, надлежащих мер к тому, чтобы они получили свое отражение в итоговом решении».**

Таким образом, если в ходе рассмотрения дела в подлежащем применению судебном акте сторона укажет на наличие вновь открывшихся обстоятельств, то эти обстоятельства **должны** быть отражены в судебном решении и им **должна** быть дана **адекватная** оценка на предмет опять-таки относимости, допустимости, достоверности и **достаточности, то есть соблюдения принципа состязательности и равноправия сторон**, чего **требует** Конституционный Суд РФ в абзаце 1 п. 3.3 мот. части Постановления № 30-П от 21.12.11 г., Постановлении КС РФ № 25-П от 08.11.12 г., за неисполнение которых в отношении правоХоронителей должны возбуждаться уголовные дела, что разъяснено в п. 5 мот. части Определения КС РФ № 65-О от 19.04.01 г., Постановлении КС РФ № 32-П от 23.11.17 г.

2.7 В силу абзацев 4 - 6 п. 3 мот. части Определения КС № 1276 от 09.06.15 г.: «**Акты международного права также не препятствуют исправлению судебных ошибок, допуская пересмотр окончательных решений судов, если эту ошибку неоспоримо доказывает какое-либо новое или вновь обнаруженное обстоятельство. Нормы же международных договоров в силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации имеют преимущество перед национальным законодательством, в том числе применительно к защите прав и свобод, нарушенных вследствие судебных ошибок. Возобновляя производство по ... делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, суд обеспечивает не восполнение недостатков обвинительной и судебной деятельности, а возможность исследования новых для него обстоятельств, в том числе фактов, которые ... закон признает имеющими значение ... и которые, однако, ранее не вошли в предмет исследования по ... делу в силу объективных причин.** Это не исключает пересмотра вступившего в законную силу приговора с возобновлением производства по ... делу и в том случае, когда по исчерпанию возможностей судебного надзора выявлена неправомерность приговора вследствие того, что **доказательства по делу не были учтены или получили ошибочную оценку, либо вследствие неправильного применения закона.** Безусловное же ограничение круга оснований к возобновлению производства по ... делу для пересмотра незаконного или необоснованного судебного решения, не подлежащего исправлению ни в каком другом порядке, делало бы невозможным обеспечение правосудности судебных актов и восстановление судом прав и законных интересов заинтересованных лиц, что приводило бы к нарушению положений Конституции РФ (статьи 2, 17, 18, 45 и 46), а также Международного пакта о гражданских и политических правах (пункт 6

статьи 14) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 6; статья 3 и пункт 2 статьи 4 Протокола N 7 к ней), которые **обязывают** к пересмотру судебного решения, если обнаруженные новые или вновь открывшиеся обстоятельства не могут не влиять на само его существо. Приведенные правовые позиции Конституционного Суда РФ ... согласно статье 6 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" **обязательны** для всех органов представительной, исполнительной и судебной власти на всей территории Российской Федерации».

2.7.1 Так как Конституционный Суд РФ подтвердил, что «нормы международных договоров ... имеют преимущество перед национальным законодательством, в том числе применительно к защите прав и свобод, нарушенных вследствие судебных ошибок», поэтому при решении вопроса об **основаниях** пересмотра дела и его **подсудности** **должны** применяться требования п.п. 1, 6 ст. 14 Пакта, п. 1 ст. 6 Конвенции, п. 2 ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции в их нормативном единстве, как **непосредственно действующие**.

2.8 В п. 2 мот. части Определения № 59-О от 06.06.97 г. разъяснено: «...Международный пакт о гражданских и политических правах, из положений статьи 14, которого исходил и Конституционный Суд РФ, в отличие от признанного неконституционным положения ст. 384 УПК РСФСР предусматривает **более широкий круг оснований** для пересмотра окончательных решений судов, относя к ним ЛЮБЫЕ обстоятельства, которые неоспоримо доказывают наличие судебной ошибки». Таким образом, вновь открывшимися обстоятельствами являются ЛЮБЫЕ обстоятельства, которые не позволяют признать ранее вынесенное решение законным, обоснованным и мотивированным и которые существовали **на момент** вынесения решения, но **не были учтены при его вынесении**.

2.8.1 В абзацах 3-5 п. 2 мот. части одного из последних Определений № 1436-О от 27.06.17 г. Конституционный Суд РФ подтвердил и уточнил приведенную позицию: «Возобновление производства по уголовному делу **в отличие** от пересмотра судебных решений в порядке надзора осуществляется в связи с **выявлением таких обстоятельств, которые либо возникли уже после рассмотрения уголовного дела судом, либо существовали на момент рассмотрения уголовного дела**, но не были известны суду и не могли быть им учтены. С учетом этого возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств направлено не на восполнение недостатков предшествующей обвинительной и судебной деятельности, а на обеспечение **возможности исследования новых для суда обстоятельств**, в том числе таких фактических обстоятельств, которые уголовный закон признает имеющими значение для определения оснований и пределов уголовно-правовой охраны, но которые в силу объективных причин ранее не могли входить в предмет исследования по уголовному делу. Вместе с тем возможно использование механизма пересмотра вступившего в законную силу приговора в процедуре возобновления производства по уголовному делу и в случае, когда после исчерпания возможностей судебного надзора будет выявлена неправомерность приговора, явившаяся результатом либо **игнорирования собранных доказательств**, нашедших отражение в материалах дела, **либо их ошибочной оценки, либо неправильного применения закона**. Конституция Российской Федерации, формулируя право на судебную защиту, не исключает, а, напротив, предполагает возможность исправления судебных ошибок и после рассмотрения дела в той судебной инстанции, решение которой отраслевым законодательством может признаваться окончательным в том смысле, что согласно обычной процедуре оно не может быть изменено. Именно такой вывод вытекает из статьи 46 (часть 3) Конституции Российской Федерации, признающей за каждым право обращаться в соответствии с международными договорами Российской Федерации в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. Международные акты, в частности Международный пакт о гражданских и политических правах (пункт 6 статьи 14), **предусматривающий возможность пересмотра** окончательных решений судов, **если какое-либо** новое или **вновь обнаруженное обстоятельство неоспоримо доказывает наличие судебной ошибки, закрепляют более широкие возможности для исправления судебных ошибок, чем уголовно-**

процессуальное законодательство Российской Федерации. Приведенная международно-правовая норма, в силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации являющаяся составной частью правовой системы России, **имеет приоритет перед внутренним законодательством по вопросам защиты прав и свобод, нарушенных в результате судебных ошибок. Ограничение круга оснований для возобновления уголовного дела в целях пересмотра незаконного или необоснованного судебного решения недопустимо, если это делает невозможным обеспечение правосудности судебных актов и восстановление судом прав и законных интересов граждан**».

При этом вновь напоминаю, что «... федеральный закон ... **не может отменять или умалять права и свободы человека и гражданина, посягать на их основное содержание** (статья 55, часть 2 Конституции РФ), а также **вводить какие-либо ограничения конституционных прав, которые не вызываются необходимостью защиты социальных ценностей, перечисленных в статье 55 (часть 3) Конституции РФ, так как это ведет к умалению прав и свобод граждан. ... Ошибочное судебное решение не может рассматриваться как справедливый акт правосудия и должно быть исправлено**... установление в законе фактического запрета обращаться к органам судебной власти за защитой от ошибочных решений ... означает для человека обязанность подчиниться незаконному, необоснованному осуждению. **Лишение права оспаривать такое осуждение явно умаляет достоинство личности. Между тем в соответствии со статьей 21 Конституции РФ "ничто не может быть основанием для его умаления"**» (п. 6 мот. части Постановления КС РФ № 4-П от 02.02.96 г.).

2.9 В силу п. 1 ч. 3 ст. 392 ГПК РФ к вновь открывшимся обстоятельствам относятся:

1) существенные для дела обстоятельства, которые не были и не могли быть известны заявителю.

Это же требование содержится в п. 1 ч. 2 ст. 350 КАС РФ.

В данном случае сторона защиты не могла знать о том, что Бандиты сфальсифицируют доказательства по делу, то есть не учтут при вынесении своих решений доводы стороны защиты и доказательства и в нарушение установленного ч.ч. 3, 4 ст. 7 ст.ст. 14, 17, 85, 87, 88, 240, ст. 389.16, ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ порядка не дадут оценку имеющимся в деле доказательствам на предмет их относимости, допустимости, достоверности и достаточности, с указанием мотивов, по которым одни доказательства приняты в качестве средств, обосновывающие выводы суда, а другие им отвергнуты, а также основания, по которым одним доказательствам отдано предпочтение перед другими (ч.ч. 3, 4 ст. 67 ГПК РФ, ч.ч. 3, 4, 8 ст. 84 КАС РФ).

2.9.1 Также Жертвы не могут знать до рассмотрения дела, какой протокол будет изготовлен и способен ли судья составить **полный** протокол, для чего должно осуществляться стенографирование или применяться технические средства (ч. 2 ст. 259 УПК РФ, ч. 1 ст. 229, п. 14¹ ч. 2 ст. 229 ГПК РФ, ч. 1 ст. 205, п. 18 ч. 3 ст. 205, ч. 4 ст. 205, ч. 1 ст. 206 КАС РФ). И в этой связи дополнительно хотел бы сказать, что те «судьи», которые не ведут аудио- и видеопотоколирование **доказывают**, что они не то, что являются явно махровыми Коррупционерами, но имеют низкий уровень правовой культуры, что было **установлено** более 30 лет назад: «В процессуальной литературе **давно** указывалось на то, что сам факт полной фиксации хода судебного заседания, например **звукозапись всего процесса**, оказывает положительное воздействие, **заставляет** всех участников процесса **контролировать свое поведение и помогает осуществлять контроль за состоянием культуры судебного разбирательства**. В целях **правильной** оценки **качества судебной деятельности**, для установления ее **соответствия** требованиям закона **должны**, по крайней мере в протоколе, фиксироваться **все** возникающие в судебном заседании внешние конфликты между судом и другими участниками процесса. Тогда материалы дела позволят получить объективную характеристику судебного заседания» (Морщаковой Т.Г. и Петрухина И.Л. «Оценка качества судебного разбирательства (по уголовным делам)», Москва, «Наука», 1987 г., стр. 60). При этом следует иметь в виду, что «... в качестве показателя, свидетельствующего об **уровне** судебной деятельности, **необходимо учитывать** наличие критики со стороны участников процесса по отношению к тому, что происходило в судебном разбирательстве. При этом **должны**

учитываться отношение судей к мнениям участников процесса по различным вопросам и **мотивы решений**, принятых судом в связи с критикой судебного исследования. **Неспособность, нежелание** суда учитывать **обоснованные** предложения участвующих в судопроизводстве лиц, в какой бы процессуальной форме они ни были выражены, - **один из существенных показателей низкой оценки уровня судебной деятельности»** (стр. 52 там же во взаимосвязи с п. 44 Заключения).

2.10 В п. 3 мот. части Постановления КС РФ № 6-П от 16.05.07 г. разъяснено: «Ограничение возможности пересмотра судебных решений, не отвечающих требованиям законности, обоснованности и справедливости, имеет **следствием нарушение баланса** в защите таких конституционных ценностей, как справедливость и правовая определенность, **влекущее причинение вреда** гарантируемым Конституцией РФ правам и свободам человека и гражданина, защита и восстановление которых **является конституционной целью** правосудия. Судебное решение, **если существенно значимые обстоятельства события, являющегося предметом исследования по уголовному делу, отражены в нем неверно, не может рассматриваться как справедливый акт правосудия и должно быть исправлено независимо от того, что послужило причиной его неправосудности** - **неправомерные действия судьи, судебная ошибка или иные обстоятельства, объективно влияющие на законность, обоснованность и справедливость судебного акта... при установлении процессуальным законом порядка возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам как особой стадии судопроизводства, призванной устранить выявившуюся неправосудность приговора, недопустимо такое ограничение круга оснований для возобновления дела и такое ограничение полномочия судов по проверке этих оснований, которые делали бы невозможными исправление незаконного, необоснованного или несправедливого судебного решения и восстановление нарушенных им прав и законных интересов».**

2.11 В силу ст. 20 Закона «Об органах судейского сообщества в РФ»:

1. Квалификационная коллегия судей вправе пересмотреть ранее принятое решение по вновь открывшимся обстоятельствам.

Ходатайство о пересмотре указанного решения по вновь открывшимся обстоятельствам может быть подано в квалификационную коллегия судей кандидатом на должность судьи или судьей, в отношении которых принято решение, а также должностным лицом, по представлению которого принято решение, председателем соответствующего или вышестоящего суда. **Квалификационная коллегия судей вправе пересмотреть свое решение при отсутствии указанного ходатайства в случае, если вновь открывшиеся обстоятельства не позволяют признать ранее принятое решение законным и обоснованным.**

2. Основаниями для пересмотра решения по вновь открывшимся обстоятельствам являются такие обстоятельства, которые не были известны квалификационной коллегии судей и сами по себе или вместе с ранее установленными обстоятельствами **дают основание для принятия другого решения.**

2.11.1 То есть мы видим, что судьи имеют право пересмотреть свои собственные решения по собственной инициативе, **«если вновь открывшиеся обстоятельства не позволяют признать ранее принятое решение законным и обоснованным»** и **никаких ходатайств для них не требуется.** Важно, чтоб появились **сами** вновь открывшиеся обстоятельства, **как основание** и это стало известно суду. При этом с учетом конституционного принципа равенства всех перед законом, предусмотренного ст. 19 Конституции РФ и устанавливающего **запрет** различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях (абзац 3 п. 3.3 мот. части Постановления КС № 5-П от 01.03.12 г.), **источник получения информации особой роли играть не может.** То есть в данном случае мы имеем дискриминационное законодательство по признаку должностного положения, за что «законодатель» подлежит безусловному привлечению к уголовной ответственности, как минимум, по ст. 136, ч. 3 ст. 210 УК РФ.

2.12 На невозможность рассмотрения дела в кассации при наличии новых и вновь открывшихся обстоятельств указано в п. 27 ППВС РФ № 2 от 28.01.14 г. «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской

Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции: «Судам следует иметь в виду, что вновь открывшиеся обстоятельства либо новые обстоятельства, на которые лица, обратившиеся в суд кассационной инстанции, ссылаются в кассационных жалобе, представлении, **не могут служить основанием для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке.** По указанным обстоятельствам судебные решения могут быть пересмотрены в порядке, установленном главой 49 УПК РФ».

2.13 Не подлежат рассмотрению вопросы о новых и вновь открывшихся обстоятельствах в порядке надзора, что разъяснено в п. 22 ППВС РФ № 1 от 11.01.07 г. «О применении судами норм главы 48 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих производство в надзорной инстанции»: «Пересмотр судебного решения в порядке надзора допускается лишь при наличии **правовых оснований**, предусмотренных статьями 379, 409 УПК РФ. Если же сомнения в законности, обоснованности и справедливости судебного решения связаны с обстоятельствами, которые не были известны суду и обнаружены после вступления соответствующего приговора, определения и постановления суда в законную силу, вопрос о пересмотре такого решения может быть разрешен **только** в порядке, установленном главой 49 УПК РФ. Если при указанных обстоятельствах принесены жалоба или представление в порядке надзора и по ним ошибочно принято решение о возбуждении надзорного производства и передаче ходатайства на рассмотрение суда надзорной инстанции, суд оставляет их без рассмотрения и прекращает надзорное производство».

2.14 В § 39 Постановления Европейского суда от 18.01.07 г. по делу «Булгакова против РФ» разъяснено: «...важно отличать "вновь открывшиеся обстоятельства" от "новых обстоятельств". Обстоятельства, которые касаются дела, существуют на момент судебного разбирательства, остаются скрытыми от судьи и становятся известными только после завершения судебного разбирательства, являются "вновь открывшимися". Обстоятельства, которые касаются дела, но возникают только после завершения судебного разбирательства, являются "новыми"..."»

2.15 В § 20 Решения ЕСПЧ от 17.02.15 г. «По вопросу о приемлемости жалобы № 28727/11 «Ольга Борисовна Кудешкина против Российской Федерации» разъяснено: «Рекомендация N R(2000)2 Комитета министров по пересмотру дел и возобновлению производства по делу на внутригосударственном уровне в связи с решениями Европейского Суда по правам человека», принятая 19 января 2000 г., поддержала Договаривающиеся Стороны "в их стремлении изучать свои национальные правовые системы для обеспечения существования **адекватных** возможностей для пересмотра дел, включая возобновление производства в тех инстанциях, в которых Европейский Суд установил нарушения Конвенции и, в особенности, в случаях, когда: i) **потерпевшая сторона продолжает испытывать влияние негативных последствий от решения национальной инстанции, которое не обеспечивает справедливой компенсации** и не может быть изменено путем пересмотра или возобновления производства по делу, и ii) решение Суда позволяет заключить, что (a) **оспоренное решение национальной инстанции по существу противоречит Конвенции, или (b) признанное нарушение основывается на процедурных ошибках или нарушениях, имеющих такой серьезный характер, что они оказывают влияние на результаты внутригосударственного разбирательства**".

То же разъяснено в § 32 **Постановления от 11.07.17 г. по делу «Moreira Ferreira против Португалии (№ 2)»**, однако в § 33 уточнено: «В пояснительной записке изложены более общие замечания по вопросам, которые явно не рассматриваются в Рекомендации. Что касается случаев, соответствующих вышеупомянутым критериям, то он отмечает следующее: 12. В **подпункте "ii"** указывается характер нарушений, в делах, отвечающих вышеуказанным условиям, по которым пересмотр дела и возобновление производства по делу имеют особую важность. Примерами таких ситуаций в соответствии с **подпунктом "a"** могут служить уголовное осуждение, **нарушающее статью 10 Конвенции**, поскольку **действия, квалифицируемые властями как уголовные, на самом деле составляют право потерпевшей стороны на свободу выражения мнения**, либо нарушающее **статью 9 Конвенции**, поскольку **действия, квалифицируемые как уголовные, являются использованием**

законным правом на свободу религии. Примерами таких ситуаций в смысле подпункта "b" могут являться случаи, когда потерпевшая сторона не имела времени или возможности подготовить свою защиту в ходе разбирательства по уголовному делу в случае, если обвинение основывалось на материалах, добытых под пыткой или подтвердить которые потерпевшая сторона не имела возможности, или если **В рамках гражданского процесса** по отношению к участвующим сторонам был нарушен принцип равенства сторон. Любые нарушения **должны**, как следует из текста Рекомендации, быть настолько серьезными, чтобы возникало **серьезное сомнение** в отношении **внутринациональных процедур**.

2.15.1 Таким образом, из приведенных положений мы можем сделать естественный вывод о том, что достаточно доказать наличие нарушения Конвенции или Пакта при отправлении правосудия и желательно это увязать с процессуальными нарушениями, как, например, нарушением **фундаментального** права на состязательность и равноправие сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, ч. 1 ст. 12 ГПК РФ, ч.ч. 1, 4 ст. 15 УПК РФ, ч. 1 ст. 14 КАС РФ) с отсутствием **адекватной** оценки доказательств и воспрепятствование «судом» Жертве их представить и этого должно быть достаточно для того, чтоб дело было пересмотрено на основании п. 6 ст. 14 Пакта, п. 2 ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции с учетом п. 3 ст. 2, ст. 26 Пакта, статей 13, 14 Конвенции, предусматривающие соблюдение фундаментальных прав на эффективные средства правовой защиты, равенства всех перед законом и не подвергаться дискриминации, в том числе по признаку должностного положения (ч. 2 ст. 19 Конституции РФ, ст. 136 УК РФ).

При этом стадия пересмотра решения зависит от оснований, которые имелись на момент вынесения решения, так как к этому моменту всё должно быть и возвращено.

2.16 При этом необходимо ясно понимать, что «право передать на рассмотрение суда преюдициальный вопрос также не может быть абсолютным, даже когда законодательство оставляет правовую сферу только в компетенции суда и предусматривает обязанность для других юрисдикции безоговорочно передавать ему на рассмотрение все вопросы, относящиеся к этой сфере. (...) Соответствует функционированию такого механизма то, что судья проверяет, может ли он или должен задать преюдициальный вопрос, убедившись, что последний должен быть решен так, чтобы позволить разрешить спор, о котором он должен быть осведомлен. В этом случае не исключено то, что при определенных обстоятельствах, отказ национального суда, призванного принимать решение в последней инстанции, может посягнуть на принцип справедливости разбирательства, как он закреплен в п. 1 статьи 6 Конвенции, в особенности, когда **такой отказ оказывается запятанным произволом**» (§ 114 Постановления от 22.06.2000 г. по делу «Коеме и другие против Бельгии»).

То есть в случае, если из подлежащего применению решения следуют признаки произвола, то есть его незаконности, необоснованности и немотивированности, то такое решение исполнению и применению не подлежит.

2.16.1 При этом необходимо учитывать доводы ЕСПЧ, выраженные в Постановлении от 05.02.15 г. по делу «Бочан против Украины (№ 2)», где разъяснено, что **«в то время как исключительная жалоба может повлечь за собой или на самом деле ведет к пересмотру дела, статья 6 применима к «пересмотру» дела в обычном порядке**» (§ 46). Для жалоб, поданных ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств **применимы гарантии** п. 1 ст. 6 Конвенции, какие **«обычно применяются к кассационному производству по гражданским делам»** (§ 53 Постановления от 05.02.15 г. по делу «Бочан против Украины (№ 2)»). Причем, **«такие меры могут представлять собой «наиболее эффективное, если не единственное средство достижения restitutio in integrum»** (§ 58).

Также необходимо иметь ввиду **существенные** доводы, выраженные в § 62: «Так, в деле *Dulaurans* Суд установил нарушение права на справедливое судебное разбирательство, потому что единственной причиной, по которой Кассационный суд Франции принял обжалуемое решение отклонить кассационную жалобу заявителя как

неприемлемую, была «*une erreur manifeste d'appréciation*» («явная ошибка оценки») (Постановление от 21.03.2000 г. по делу «*Dulaurans v. France*»). В основе понятия «*une erreur manifeste d'appréciation*» (понятие французского административного права), **используемого в контексте статьи 6 § 1 Конвенции**, лежит следующая концепция: если ошибка права или факта, совершенная национальным судом, настолько очевидна, что может быть охарактеризована как «явная ошибка» – то есть **ошибка, которую никогда бы не совершил ни один разумный суд** – она может негативно повлиять на справедливость судебного разбирательства. В деле *Khamidov*, необоснованность заключения национальных судов в отношении фактов была «настолько вопиющей и очевидной», что Суд постановил, что обжалуемое разбирательство следует рассматривать как «чрезвычайно произвольное» (§ 174 Постановления от 15 ноября 2007 г. по делу «Хамидов против Российской Федерации»). В деле *Andelkovic*, Суд постановил, что произвольность решения национального суда, которое практически **не имело никакой правовой основы в национальном законодательстве и не содержала никакой связи между установленными фактами, применимым правом** и исходом судебного разбирательства, составила, по сути, «отказ в правосудии» (§ 27 Постановления от 09. 04.13 г. по делу «*Andelkovic v. Serbia*»).

2.16.2 В последующих решениях ЕСПЧ развил свои доводы: «... В Бочане Верховный суд сделал утверждения, которые были **явно** ошибочными и которые Суд толкует как «**грубо произвольные**» или влекущие за собой «**отказ в правосудии**». Таким образом, **характер и последствия** этого недостатка в решении Верховного суда были таковы, что **оспариваемая процедура не соответствовала требованию «справедливого судебного разбирательства» в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции** (...) (§ 68 Постановления от 29.11.16 г. по делу «Кармел Салиба против Мальты») ... Правильное рассмотрение представленных материалов, аргументов и доказательств, представленных сторонами, и **адекватное** изложение причин, на которых основаны решения, являются соответствующими аспектами в рамках гражданского раздела статьи 6 § 1 (...)... это применяется в равной степени, если не больше, при вменении **гражданской ответственности за ущерб, причиненный в результате преступных действий**, из-за суровых последствий, которые могут возникнуть в результате таких выводов... в определенных обстоятельствах такое разбирательство может также привлекать некоторые гарантии, применимые в уголовных делах, таких как, например, положения статьи 6 § 2 (...) и что требования справедливого судебного разбирательства являются самыми строгими в сфере уголовного права (...)... несмотря на то, что определенная тяжесть придается уголовному судопроизводству, касающаяся распределения уголовной ответственности и введения карательной и сдерживающей санкции, само собой разумеется, что существуют уголовные дела, которые не имеют какой-либо значительной степени стигмации (...)... несмотря на гражданский характер, такие случаи, как таковые в настоящем деле, также могут нести такую стигму. Таким образом, хотя все гражданские дела заслуживают защиты статьи 6 § 1, нет никаких сомнений в том, что в этом случае **крайне важно, чтобы внутренние решения основывались на тщательной оценке представленных доказательств и что они содержат достаточные причины** (...)... (§ 73 там же)... **при оценке соблюдения процедуры** принципа равенства сторон, который является признаком более широкой концепции справедливого судебного разбирательства, **существенное значение придается внешности и повышений чувствительности общественности к справедливому отправлению правосудия** (...)» (§ 75 там же).

В любом случае суд не может игнорировать различные недостатки в разбирательстве, в частности, неспособность объяснить причины в отношении противоречивых доказательств и в отношении **просьб Жертвы, «которые были отклонены с небольшой или никакой мотивацией вообще** (...)» (§ 79 Постановления от 29.11.16 г. по делу «Кармел Салиба против Мальты»). **Недопустимо вынесение обвинительного приговора без объяснения причин на основании несогласованных или противоречащих друг другу доказательств при игнорировании аргументов Жертвы об обратном** (§ 60 Постановления от 17.10.17 г. по делу «Тел против Турции»).

Поскольку «Суды призваны рассмотреть доводы сторон, **гарантируя** честность и состязательность разбирательства, и **вынести свое решение по заявленным**

требованиям» (§ 29 **Постановления от 18.01.07 г. по делу «Кот против РФ»**), поэтому «... несмотря на prerogatives соответствующих ... судов в отношении оценки доказательств, определения их значимости и приемлемости этих элементов, Статья 6 § 1 Конвенции налагает на них **обязательство** провести **эффективную проверку** доводов заявителя и что это обязательство может считаться выполненным **только** в том случае, если эти просьбы были действительно «услышаны», то есть **должным образом рассмотрены**, что явно **должно** было **быть отражено в окончательной мотивации решения** ... (...). Принцип заключается в том, что Конвенция не предназначена для теоретических или иллюзорных прав, но **обеспечения** конкретных и эффективных. Ввиду этих **требований** ... суды **должны** были показать, что **основание** иска заявителя **было рассмотрено** в свете обстоятельств, ранее установленных Судом (...), **которые они не могут игнорировать»** (§ 74 **Постановления от 17.10.17 г. по делу «Тел (Tel) против Турции»**).

2.16.3 Также, «Применяя правила процедуры, национальные суды **должны** избегать как чрезмерного формализма, который повлияет на справедливость процедуры, так и чрезмерной гибкости, что приведет к отмене процессуальных требований, установленных законом (...). Фактически, право на доступ к суду нарушается, когда правила перестают служить целям правовой определенности и надлежащего отправления правосудия и создают своего рода барьер, препятствующий тому, чтобы его или ее дело **было рассмотрено компетентным судом по существу** (...» (§ 26 **Постановления от 13.07.17 г. по делу «Шули против Греции»**, тоже в § 44 **Постановления от 13.03.18 г. по делу «Адиканко и Басов-Гринев против РФ»**).

«... заявитель конкретно предоставил районному суду информацию, которая, как утверждается, была исключена судьей Краснодарского краевого суда. Поэтому Суд считает, что **оспариваемые судебные решения, которые не установили никакой связи между установленными фактами, применимым законодательством и исходом судебного разбирательства, были произвольными** (...» (§ 50 **Постановления от 13.03.18 г. по делу «Адиканко и Басов-Гринев против РФ»**).

Вообще **дело «Адиканко и Басов-Гринев против РФ»** - это классика **российского Беспредела, Беззакония, Произвола, Наглости и Цинизма**.

2.16.4 Здесь же необходимо включить и напомнить о **стабильной российской практике**, когда **отказ в правосудии** обуславливался предвзятым отношением «судей» и «прокуроров» к оценке доказательств и когда они, «в тех процессах в мировых судах принимались утверждения полиции с охотой и безоговорочно и **отказывалось заявителям в любой возможности представить любое доказательство**, шедшее вразрез... **в споре по ключевым фактам, лежащим в основе обвинения, где только свидетели обвинения были только полицейские, кто играл активную роль в спорных событиях было незаменимым для судов чтобы использовать любую разумную возможность проверить их обвинительные утверждения** (...). Неспособность сделать это противоречит **фундаментальным принципам уголовного права, а именно принципу *in dubio pro reo* (в случае сомнения в пользу обвиняемого) (...)**... отвергая все доказательства защиты без оправдания, национальные суды возложили чрезмерное и непреодолимое бремя доказывания на заявителя, вопреки **фундаментальным требованиям о том, что обвинение должно доказать свое дело и принципу уголовного права, а именно *in dubio pro reo* (...)**» (§ 72 **Постановления от 02.02.17 г. по делу Навальный против РФ»**). На этом фоне детской забавой является то, чем так возмущались Полуобразованные Подонки из ЕСПЧ: «... **необоснованность этого вывода настолько поразительна и ощутима с первого взгляда**, что решения национальных судов в ходе разбирательств 2002 года можно считать грубо произвольными, и, достигнув такого вывода в обстоятельствах дела, **национальные суды фактически установили крайний и недостижимый стандарт доказывания для заявителя, так что его требование не могло, в любом случае, иметь даже малейшую перспективу успеха**» (§ 174 **Постановления от 15.11.07 г. по делу «Хамидов против РФ»**). И поскольку Полуобразованные Подонки, то есть профессиональные Взятчники, **целенаправленно не выполняли возложенные на них функции**, поэтому «... жалоба заявителя не имела успеха не из-за недостатка доказательств или необоснованности заявленных требований, а в силу правовых норм, примененных и

истолкованных судами (...)... **использованный российскими судами способ толкования и применения** соответствующих правовых норм ГПК РФ **лишил заявителя возможности** предпринять какие-либо действия по получению компенсации за **вред, причиненный государственными органами, и не предоставил ему никаких эффективных средств правовой защиты** (...)» (§§ 83, 84 **Постановления ЕСПЧ от 11.10.11 г. по делу «Романов против РФ»**). Также активная **преступная** деятельность Полуобразованных Подонков привела к тому, что «основная проблема заключалась не в теоретической доступности средств правовой защиты в национальном праве, а, скорее, в **произвольном** применении закона нижестоящими судами и, как следствие, **лишение жертвы эффективных внутренних средств правовой защиты**» (§ 149 **Постановления от 12.06.08 г. по делу «Власов против РФ»**).

«... позиция судов **привела к тому**, что средство правовой защиты, предусмотренное Гражданским **кодексом** Российской Федерации, не имело перспектив успеха и могло считаться теоретическим и иллюзорным, а не адекватным и эффективным по смыслу **пункта 1 статьи 35** Конвенции. Европейский Суд не убежден, что при имеющемся состоянии российского законодательства об обязательствах из причинения вреда истцы могли разумно ожидать возмещения вреда, подтвержденного их утверждениями, **пока не произойдет существенного изменения существующего толкования национального законодательства** об обязательствах из причинения вреда **российскими судами**» (§ 112 **Постановления от 27.05.10 г. по делу «Артемьев против РФ»**).

«... ограничение возможности заявительницы возбудить судебное разбирательство должно рассматриваться с точки зрения права на доступ к суду... Конвенция должна гарантировать права, которые являются практическими и эффективными, а не теоретическими и иллюзорными. Это особенно верно в отношении права на доступ к суду с учетом важности в демократическом обществе права на справедливое разбирательство дела (...). Ограничительное толкование права на доступ к суду, гарантированного **пунктом 1 статьи 6** Конвенции, не соответствовало бы объекту и цели данного положения (...) (§ 28 **Постановления от 22.12.09 по делу «Безымянная против РФ»**). В настоящем деле Европейский Суд соглашается с данным заявительницей описанием ситуации, в которую она попала **в результате толкования национальными судами** юрисдикционных параметров их полномочий. **Она оказалась в порочном круге, где национальные суды указывали друг на друга, отказываясь рассмотреть ее дело в силу предполагаемых ограничений их подведомственности.** Национальные суды фактически оставили заявительницу, без какой-либо вины с ее стороны, в судебном вакууме (...). В этой связи Европейский Суд также учитывает тот факт, что **власти Российской Федерации не привели какое-либо оправдание действий национальных судов и не указали законную цель, которую они могли преследовать.** Европейский Суд, однако, не готов подменять власти Российской Федерации в этом отношении (...). Таким образом, он находит, что имело место неоправданное нарушение самого существа права заявительницы на суд» (§ 33 там же).

«... принимая решение о том, что заявитель не сможет предъявить иск, пока не укажет свое место жительства, **национальные суды** не только **наказали** его за несоблюдение им формального требования. Они также **установили для заявителя существенные ограничения, препятствующие рассмотрению его гражданских требований судами.** Таким образом, в настоящем деле затронута не просто проблема толкования правовых норм в обычном контексте, но проблема **необоснованного толкования процессуального требования, которое препятствовало рассмотрению исков заявителя по существу и поэтому затрагивало сущность его права на обращение в суд** (...). Такое негибкое применение процессуального правила, без учета конкретных обстоятельств, не может считаться соответствующим пункту 1 статьи 6 Конвенции» (§ 32 **Постановления от 22.12.09 г. по делу «Сергей Смирнов против РФ»**).

Таким образом, Жертвы в России не могут получить доступ к Правосудию не потому, что нет соответствующей нормативной базы, а потому, что российские правоХоронители **искусственно и целенаправленно создают непреодолимые барьеры с преступной целью** лишения их возможности реализовать свои права и поэтому мы имеем полный набор: и «*une erreur manifeste d'appréciation*» («явная

ошибка оценки»), и чрезвычайно произвольное разбирательств, и отказ в Правосудии. В России **Системой** является ситуация, когда «... заявителю было отказано в установлении его процессуальной правоспособности и, следовательно, он не имел доступа к каким-либо средствам для рассмотрения своих возражений ... В этих обстоятельствах заявитель не имел «эффективного средства правовой защиты перед национальным органом» (§ 124 Постановления от 20.12.16 г. по делу «Линдstrand Партнерс Абвокатбюро АБ против Швеции»). Из этого следует, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции в сочетании со статьей 8» (§ 125 там же). Более полные объяснения по рассматриваемому вопросу будут даны в главе об ответственности органов власти за совершаемые преступления в отношении российского Быдла.

2.16.5 При этом необходимо учитывать, что **к существенным нарушениям справедливого разбирательства дела относится не только лишение Жертвы возможности** приносить возражения на доводы прокурора и комментировать их (§§ 62, 67 Постановления ЕСПЧ от 15.12.05 г. по делу «Ваньян против РФ»), но и **задавать вопросы прокурору непосредственно в судебном процессе** (§ 139 Постановления от 17.03.16 г. по делу «Расул Джафаров против Азербайджана»). Для пересмотра дела ввиду вновь открывшихся обстоятельств необходимо, чтобы «правовые **основания** перевешивают принцип правовой определенности... для исправления юридических ошибок и ошибок, допущенных при отправлении правосудия» (Решение ЕСПЧ о приемлемости жалобы от 09.03.06 г. по делу «Афанасий Семенович Братякин против РФ»). К дефектам правосудия относится и то, когда «судебные инстанции не смогли указать существенный элемент *corpus delicti*, **превысили свою юрисдикцию и не рассмотрели определенное количество законных вопросов надзорной жалобы** заявителя» (там же). В связи с чем ЕСПЧ пришел к выводу о том, что «фундаментальные нарушения при производстве, оправдывающие отмену окончательного постановления суда, включают **юридические ошибки, серьезное нарушение судебной процедуры, превышение полномочий, явные ошибки при применении действующего законодательства** или **иные весомые причины, не отвечающие интересам правосудия**» (Постановления от 05.04.16 г. по делу «Грузда против РФ», § 16; от 17.05.16 г. по делу «Бакрина против РФ», § 18).

2.16.6 В Постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 06.07.16 г. по делу № 54-П16 разъяснено: «Между тем в данной кассационной жалобе защитника, изложенной на 22 страницах, **содержались**, в том числе, **доводы о необоснованном отклонении ходатайств стороны защиты об отводе судьи, о недопустимости доказательств**, обосновывающих вывод суда о виновности Зименкова, в частности, материалов оперативно-розыскных мероприятий, о **неправильной оценке показаний ряда лиц в связи с их заинтересованностью в исходе дела, о нарушении судьей тайны совещательной комнаты**. Однако в кассационном определении эти и другие доводы, приведенные в кассационной жалобе адвоката Карпукова Н.П., **не отражены и ответы на них не даны, какое-либо решение по указанной жалобе защитника судом кассационной инстанции не принято**. Таким образом, **оставление без рассмотрения кассационной жалобы**, поданной адвокатом Карпуковым Н.П. в защиту осужденного Зименкова, **свидетельствует о существенном нарушении уголовно-процессуального закона при рассмотрении уголовного дела** в кассационном порядке, **которое повлекло нарушение права осужденного на защиту и повлияло на исход дела, что** в соответствии с ч. 1 ст. 412.9 УПК РФ **является основанием для отмены кассационного определения**».

То есть из смысла приведенного понятно, что в случае, когда доводы Жертвы не рассматриваются **в полном объеме**, то это **фактически является оставлением обращения без рассмотрения и грубым нарушением подлежащих применению норм действующего законодательства**, что является **безусловным** основанием для пересмотра принятого решения ввиду вновь открывшихся обстоятельств Президиумом областного, краевого суда (ч. 1 ст. 20 ФКЗ «О судебной системе РФ») **с момента** допущенных нарушений, что разъяснено, например, в п. 2.7 мот. части Определения КС № 683-О-О от 21.10.08 г., абзацах 4 - 6 п. 3 мот. части Определения КС № 1276 от 09.06.15 г. во взаимосвязи, например, с § 86 Постановления ЕСПЧ от 18.05.04 г. по делу «Шомодьи против Италии».

Фактически, **приведенное является отказом в Правосудии** и является недопустимым как с точки зрения ЕСПЧ, так и КПЧ ООН. При этом толкование нормы права без учета находящихся с ней **во взаимосвязи** иных норм, подлежащих применению, в результате чего причиняется вред, **приводит к злоупотреблению правом** (Определения Верховного Суда РФ от 27.04.16 г. и от 24.06.16 г. по делу № 304-КГ16-369). А это **должно порождать** правовые последствия **осуществления права** на предъявление **соответствующих** требований **к каждому из виновных в причинении ущерба** лиц **до полного возмещения своих имущественных потерь** (Определение Верховного Суда РФ от 04.07.16 г. по делу № 303-ЭС16-1164).

Нарушение фундаментальных прав является безусловным основанием для компенсации за причиненный вред по правилам Принципов о компенсации.

2.16.7 В рассматриваемом контексте следует иметь ввиду доводы ЕСПЧ, выраженные в **Постановлении от 12.07.07 г. по делу «Ведерникова против РФ»**: «... право на судебное разбирательство, гарантированное **пунктом 1 Статьи 6 Конвенции**, **должно** толковаться в свете преамбулы к **Конвенции**, в соответствующей части которой принцип господства права признается частью общего наследия Договаривающихся Государств. Одним из основополагающих аспектов господства права является принцип **правовой определенности**, который, среди прочего, **требует**, чтобы принятое судами окончательное решение не могло бы быть оспорено (...). Данный принцип предполагает, что стороны не вправе добиваться пересмотра судебного решения лишь в целях повторного рассмотрения дела и вынесения нового решения (§ 24 там же). Действительно, **Конвенция** в принципе допускает пересмотр судебного решения, вступившего в законную силу, по вновь открывшимся обстоятельствам. Например, **статья 4 Протокола N 7** к Конвенции **однозначно разрешает** государству исправлять ошибки уголовного судопроизводства. **Судебное решение, в котором не отражены сведения об основных доказательствах по делу, может, безусловно, представлять собой такую ошибку**. Тем не менее полномочия по пересмотру **должны** быть осуществлены для исправления судебных ошибок и ошибок при отправлении правосудия, а не использоваться для "замаскированного обжалования" (...) (§ 25 там же)... **Процедура отмены окончательного судебного решения предполагает, что имеются доказательства, которые ранее не были объективно доступными и которые могут привести к иному результату судебного разбирательства**. Лицо, требующее отмены судебного решения, должно доказать, что оно не имело возможности представить доказательство до окончания судебного разбирательства и что такое доказательство имеет решающее значение в деле. Такая процедура была закреплена в **статье 333** Гражданского процессуального кодекса РСФСР и **схожа** с подобными процедурами, **существующими в других правовых системах многих государств - членов Совета Европы...**» (§ 26 там же).

2.16.7.1 В абзаце 3 п. 3.1 Постановления № 24-П от 17.10.17 г. Конституционный Суд РФ разъяснил: «Возможность повторного рассмотрения уголовного дела, в рамках которого лицо уже было окончательно оправдано или осуждено, допускается, согласно статье 4 Протокола N 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, **если имеются сведения** о новых или вновь открывшихся обстоятельствах или **если в ходе предыдущего разбирательства были допущены существенные нарушения, повлиявшие на исход дела**. Данную норму, сформулированную применительно к уголовному судопроизводству, Европейский Суд по правам человека посредством толкования **во взаимосвязи со статьей 6 Конвенции** о защите прав человека и основных свобод **распространил и на гражданские дела, посчитав, что отступление от принципа правовой определенности в этих делах возможно для исправления существенного (фундаментального) нарушения, свидетельствующего о ненадлежащем отправлении правосудия** (...)»

Таким образом, несмотря на то, что такая **норма материального права, имеющая императивный характер** (ст. 53 Венской конвенции о международных договорах), как п. 12 пояснительной записки к Рекомендации N R(2000)2 Комитета министров по пересмотру дел и возобновлению производства по делу на внутригосударственном уровне в связи с решениями Европейского Суда по правам человека, принятой 19 января 2000 г. (п. 2.15 выше), устанавливает, что ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции применима к гражданскому судопроизводству, так и Конституционный Суд РФ это

установил (абзац 3 п. 3.1 Постановления № 24-П от 17.10.17 г.) и **обязал** суды общей юрисдикции с учетом **требований**, выраженных в Постановлении № 25-П от 08.11.12 г., возобновлять производство по гражданским делам по основаниям, предусмотренным **именно** ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции, которая **является составной частью законодательства РФ и имеет большую юридическую силу** по сравнению с федеральными законами, и которая **должна применяться непосредственно**.

2.16.8 В Постановлении от 11.07.17 г. по делу «Moreira Ferreira против Португалии (№ 2)» предписано: «...возобновление разбирательства не является автоматическим и подлежит критериям приемлемости, **соблюдение которых контролируется национальными судами...**» (§ 53 там же)... требования правовой определенности не являются абсолютными. Такие соображения, как возникновение новых фактов, обнаружение **фундаментального недостатка в предыдущих разбирательствах**, которые могут повлиять на исход дела или необходимость возмещения, особенно в контексте исполнения решений Суда, все говорит в пользу возобновления разбирательства... сама возможность возобновления уголовного дела prima facie соответствует требованиям Конвенции (...)... полномочия **высших судов** по пересмотру следует осуществлять только для **исправления судебных ошибок и недостатков правосудия**, а не для проведения нового рассмотрения. Пересмотр не должен рассматриваться как скрытая форма обжалования и простая возможность иметь два мнения по одному вопросу не может являться основанием для повторного рассмотрения. Отступление от этого принципа оправдано только тогда, когда это необходимо по обстоятельствам существенного и убедительного характера (...) (§ 62 там же)... **приговор, игнорирующий ключевые доказательства** представляет собой недостаток уголовного правосудия и что **отказ от исправления ошибок может серьезно повлиять на справедливость, честность и общественную репутацию судебного разбирательства (...)**... **отстаивание после рассмотрения дела осуждения, которое было ошибкой оценки, которая увековечила это нарушение, нарушило право на справедливое судебное разбирательство (...)**. С другой стороны, произвольное возобновление уголовного производства, в частности в ущерб осужденному, нарушает право на справедливое судебное разбирательство (...) (§ 63 там же). Суд также рассмотрел другие этапы уголовного судопроизводства, в которых заявители перестали быть «лицами, обвиняемыми в совершении уголовного преступления», но лица, «осужденные» в результате судебных решений, считающихся окончательными в соответствии с национальным законодательством. Учитывая, что «**уголовное обвинение**» является автономным понятием и с учетом влияния, которое может иметь процедура рассмотрения апелляции по вопросам права на определение уголовного обвинения, включая возможность исправления ошибок закона, Суд установил, что **такая процедура распространяется на гарантии статьи 6 (...)**, даже если это рассматривается как чрезвычайное средство правовой защиты во внутреннем законодательстве и касается решения, против которого не применяется обычная апелляция. Точно так же Суд постановил, что **гарантии статьи 6 применимы к уголовному делу, в котором компетентный суд начал рассмотрение вопроса о приемлемости ходатайства о предоставлении разрешения на подачу апелляции** с целью отклонения обвинительного приговора (...) (§ 64 там же). Из общих принципов, изложенных выше вытекает, что статья 6 Конвенции применима в своем криминальном аспекте к уголовному процессу, касающемуся средств правовой защиты, классифицированных как внеочередные во внутреннем праве, в которых национальный суд призван определить обвинение (§ 65 там же)... Поэтому ... **законодательная база требует, чтобы Верховный суд сравнил рассматриваемое обвинительное заключение с основаниями, по которым Суд обосновал свой вывод о нарушении Конвенции...** и в этом отношении **имеет некоторые общие черты с апелляцией** по вопросам права (...) (§ 69 там же)... Учитывая объем рассмотрения в Верховном суде, Суд считает, что такое рассмотрение следует рассматривать как продолжение разбирательства... Верховный суд вновь сосредоточил свое внимание на определении уголовного обвинения в отношении заявителя по смыслу статьи 6 § 1 Конвенции. Следовательно, гарантии, предусмотренные в пункте 1 статьи 6 Конвенции, применимы к процессам в Верховном суде» (§ 72 там же).

2.16.9 В **Постановлении от 20.04.10 г. по делу «Ласка и Лика против Албании»** ЕСПЧ постановил, что «... повторное рассмотрение или **возобновление дела по просьбе заявителя** в принципе представляет собой надлежащий способ устранения нарушения. Это соответствует руководящим принципам Комитета министров, который в Рекомендации № R (2000) 2 призвал государства - участники Конвенции ввести механизмы для повторного рассмотрения дела и возобновления разбирательства на национальном уровне, установив, что такие меры представляют собой «наиболее эффективные, если не единственные, способы достижения restitution in integrum» (...). Это также отражает принципы международного права, в соответствии с которыми государство, ответственное за противоправное деяние, **обязано** сделать реституцию, **состоящую в восстановлении ситуации, которая существовала до совершения противоправного деяния** (§ 75)... государство-ответчик **должно устранить любые препятствия** в своей внутренней правовой системе, которые могут помешать исправлению положения заявителей (...) или ввести новое **средство правовой защиты, которое позволило бы заявителям восстановить ситуацию**. Кроме того, Договаривающиеся государства **обязаны** организовывать свои судебные системы таким образом, **чтобы их суды могли удовлетворять требованиям Конвенции**. Этот принцип также применяется к **возобновлению разбирательства и повторному рассмотрению дела заявителей**» (§ 77 там же).

2.17 В Постановлении № 21-П от 14.07.15 г. Конституционный Суд РФ сформулировал следующие правовые позиции:

«... решение компетентного российского суда по вопросу о возможности пересмотра соответствующего судебного акта - учитывая необходимость принятия конкретных мер индивидуального характера в целях восстановления нарушенных прав заявителя - должно основываться на ВСЕСТОРОННЕМ и ПОЛНОМ рассмотрении его доводов, а также обстоятельств конкретного дела» (абзац 2 п. 2.1 мот. части).

«... разрешать же вопросы толкования и применения национального законодательства должны национальные органы власти, а именно судебные органы...» (абзац 3 п. 2.1 мот. части).

«... защита прав и свобод... вытекает обязанность государств ...гарантировать каждому защиту признанных ею прав, прежде всего в собственном внутреннем правопорядке и по отношению к органам национальной судебной системы» (абзац 4 п. 2.1 мот. части).

Конституционный Суд РФ не может поддержать данное ЕСПЧ, **«... если именно Конституция Российской Федерации ... как правовой акт, обладающий высшей юридической силой в правовой системе России, более полно по сравнению с соответствующими положениями Конвенции в их истолковании Европейским Судом по правам человека обеспечивает защиту прав и свобод человека и гражданина, в том числе в балансе с правами и свободами иных лиц (статья 17, часть 3, Конституции Российской Федерации)»** (абзац 3 п. 4 мот. части).

«Оценивая нормы внутреннего законодательства на соответствие конституциям своих государств, эти национальные судебные органы при принятии решения исходят из того, какое толкование, с учетом баланса конституционно защищаемых ценностей и международно-правового регулирования статуса личности, лучше защищает права человека и гражданина в правовой системе данного государства, имея в виду не только непосредственно обратившихся за защитой, но и всех тех, чьи права и свободы могут быть затронуты» (абзац 9 п. 4 мот. части)

Хотя интерпретационная правоприменительная практика самого ЕСПЧ, «может со временем изменяться, тем не менее его постановления, как представляется, **должны обеспечивать более высокий - по сравнению с национальным регулированием - уровень защиты прав и свобод человека и гражданина»** (абзац 10 п. 4 мот. части).

«Приведенные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированные применительно к порядку пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам судебных постановлений, вступивших в законную силу, в рамках гражданского судопроизводства, имеют

универсальный характер и потому в полной мере распространяются на другие виды судопроизводства» (абзац 6 п. 5.1 мот. части).

2.17.1 Из приведенного мы можем сделать вывод о том, что основополагающие выводы ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ по вопросам правоприменения о возобновлении производства ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств **имеют универсальный характер** и поэтому в полной мере распространяются на **все** виды судопроизводства, **преследуя цель** более полного обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина. При этом **решение суда должно основываться на всестороннем и полном рассмотрении доводов заявителя, а также обстоятельствах конкретного дела.** Что же касается толкования судами подлежащих применению норм действующего законодательства, то это толкование должно обеспечивать возможность Жертве предвидеть правовые последствия своих действий (бездействия), что разъяснено в абзаце 4 п. 2 мот. части Постановления КС РФ № 20-П от 14.07.15 г. При этом принцип равенства всех перед законом означает, что сформулированное в подлежащей применению норме требование должно быть определено четко, ясно и недвусмысленно, в **«противном случае может иметь место противоречивая правоприменительная практика, что ослабляет гарантии государственной защиты прав, свобод и законных интересов граждан и их объединений от произвольного юрисдикционного преследования и наказания».** Это же следует и из **разъяснения**, данного в абзаце 7 п. 6.1 мот. части Постановления КС РФ № 5-П от 24.03.15 г.: «Кроме того, осуществляемое законодателем правовое регулирование - в силу конституционных принципов правового государства, верховенства закона и юридического равенства - **должно** отвечать требованиям определенности, ясности и непротиворечивости, а **механизм его действия должен быть понятен субъектам соответствующих правоотношений** из содержания конкретного нормативного положения или **системы находящихся в очевидной взаимосвязи нормативных положений**, поскольку **конституционное равноправие может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования правовой нормы всеми правоприменителями (...)**».

2.18 В абзаце 1 п. 5 мот. части Постановления № 24-П от 17.10.17 г. Конституционный Суд РФ постановил: «По смыслу положений Конституции Российской Федерации, ее статьи 118 (часть 2), согласно которой судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства, во **взаимосвязи** со статьей 126, определяющей компетенцию Верховного Суда Российской Федерации, гражданское судопроизводство, посредством которого осуществляют судебную власть суды общей юрисдикции и арбитражные суды, **в своих принципах и основных чертах должно быть единообразным.** В соответствии с этими конституционными установлениями **действующее правовое регулирование института пересмотра** по новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных актов в судопроизводстве, осуществляемом арбитражными судами, и **в судопроизводстве, осуществляемом судами общей юрисдикции, в целом идентично».**

Далее в абзаце 4 разъяснено: «**Как показывает практика** применения пункта 5 части четвертой статьи 392 ГПК Российской Федерации, изученная Конституционным Судом Российской Федерации при подготовке настоящего дела к слушанию, **пересмотр по указанному в нем основанию** вступивших в законную силу судебных постановлений **в большинстве случаев осуществляется по заявлениям органов государственной власти, органов местного самоуправления или организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями (их должностных лиц), и обычно завершается вынесением решений в их пользу с применением поворота исполнения ранее принятых в пользу граждан решений,** в том числе решений, в отношении которых частью третьей статьи 445 ГПК Российской Федерации **предусмотрен запрет поворота исполнения** (по делам о взыскании денежных сумм по требованиям, вытекающим из трудовых отношений, о взыскании вознаграждения за использование прав на результаты интеллектуальной деятельности и др.); **при этом нередко судебные постановления отменяются и пересматриваются спустя значительное время после их вступления в законную силу** (в частности, вынесенные в отношении заявителей по настоящему

делу - по истечении трех месяцев, полугода и даже года)».

2.18.1 То есть мы видим, что на практике органы власти наделили себя правом на отмену вынесенных в пользу Жертв решений независимо от срока и **оснований** их вынесения и, как правило, получали для себя положительный результат, чего Жертвы, как правило, добиться не могут. То есть мы получили **доказательства** дискриминационной практики, которая в силу ст. 136 УК РФ является практикой именно **преступной**, а органы власти - криминальными по своей сути. И доказал это сам Конституционный Суд РФ.

При этом, если мы будем исходить из того, что «Полномочия **вышестоящих судов** по отмене или внесению изменений в окончательные и подлежащие исполнению судебные решения должны осуществляться **в целях исправления существенных ошибок**» (§ 27 Постановления ЕСПЧ от 07.06.07 г. по делу «Довгучиц против РФ», абзац 4 п. 4.2 Постановления КС РФ № 24-П от 17.10.17 г.), которые не могут быть обусловлены умышленными действиями, **направленными на злостное неисполнение процессуальных норм и нарушения прав участников одной из сторон**, то умышленные действия (ч. 2 ст. 25 УК РФ), направленные на нарушение процессуального законодательства, то есть **злостное его игнорирование и нарушение прав участников процесса доказывают** как наличие в действиях и решениях «судьи» коррупциогенных признаков, так и **неисполнение им своих прямых должностных обязанностей**, то есть злостное неисполнение возложенных на судью функций по **обеспечению необходимых** условий для осуществления Жертвами предоставленных им прав, что является Произволом и отказом в правосудии (заяв.№3040Произвол5:

<https://drive.google.com/open?id=1YzsGaAcvSdPi2cVvzimvIoiQTTdCKWh4>, §§ 44, 50 Постановления от 13.03.18 г. по делу «Адиканко и Басов-Гринев против РФ»). Но поскольку **должно** быть восстановлено положение, существовавшее до нарушения прав, а **нарушитель прав не вправе давать оценку своей преступной деятельности** (ч. 6 ст. 8 ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ»), поэтому эти вопросы **должны** рассматриваться **только** в порядке производства ввиду вновь открывшихся обстоятельств и ни в каком ином, поскольку **предметом** проверки и оценки должно быть не только вынесенное по делу решение, но и **причины и условия** его вынесения. А причины и условия вынесения заведомо неправосудного решения являются именно преступные действия судьи, а не ошибочные. Ошибки при принятии решений могут быть обусловлены разными причинами, такими, как невнимательность, недостатки аргументов сторон, хотя всё это **должно** исправляться судьей, что будет объяснено ниже. Но нарушения и игнорирование процессуальных норм судья допускать **не вправе**, поскольку он **должен** быть **гарантом их соблюдения и правильного** применения (ч. 2 ст. 12 ГПК РФ, ч. 2 ст. 14 КАС РФ, п. 2 ППВС РФ № 23 от 19.12.03 г. «О судебном решении»).

2.18.2 Также, «Не вдаваясь в детальную оценку приведенных условий, соблюдения которых наряду с другими условиями, указанными в пункте 1 резолютивной части Постановления, даже при очевидном нарушении положений статьи 47 (части 1) Конституции РФ и других конституционных требований, по мнению большинства судей Конституционного Суда РФ, достаточно для признания конституционным такого особого порядка судопроизводства, нельзя не заметить, что **правовая природа** пересмотра судебных дел по вновь открывшимся (как и по новым) обстоятельствам **в отличие** от надзорного производства вообще исключает постановку проблемы в аспекте принципа недопустимости придания обратной силы закону, устанавливающему или отягчающему ответственность. Для подтверждения этого достаточно обратиться к указанным в нормах арбитражного, гражданского и уголовного процессуального законодательства основаниям для такого пересмотра судебных актов (статья 311 АПК Российской Федерации, статья 392 ГПК Российской Федерации, статья 413 УПК Российской Федерации), определяющим **правовую сущность соответствующих процессуальных механизмов**. Необходимость их применения появляется **только** в связи с выявлением обстоятельств, которые указывают либо на **несоответствие самой состоявшейся процедуры** судопроизводства по данному делу **с сути правосудия** (и тогда характер материально-правового спора при решении вопроса об отмене судебного акта для проведения нового разбирательства по делу не имеет значения); либо на необходимость защиты таких субъективных прав, факт

нарушения которых признан решением Конституционного Суда РФ или Европейского Суда по правам человека; либо на появление закона, устраняющего или смягчающего ответственность. По существу, Конституционный Суд в Постановлении по настоящему делу **абстрагируется от правовой природы** производства по пересмотру судебных дел по вновь открывшимся обстоятельствам, а также и от обстоятельств самого рассматриваемого им дела, **имея в виду некую гипотетическую ситуацию массового нарушения судебными актами прав** участников экономических отношений, когда ретроспективное применение иных правовых позиций Высшего Арбитражного Суда "необходимо для восстановления и защиты таких прав и интересов, которые в силу их конституционно-правового значения не допускают сохранение судебного акта в силе" (пункт 5 мотивировочной части Постановления). Такое **нарушение должно быть именно массовым**, поскольку в иных случаях у Высшего Арбитражного Суда не будет затруднений по разрешению возникающих проблем защиты прав с использованием предусмотренной федеральным законом процессуальной формы, как того и требует статья 127 Конституции Российской Федерации. Однако ничего подобного из дел заявителей, обратившихся в Конституционный Суд, не усматривается, не имеется сведений о массовом нарушении таких прав и интересов в арбитражной судебной практике и по другим делам...» (абзацы 6-8 п. 5 **особого мнения судьи КС РФ Жилина Г.А. на Постановление № 1-П от 21.01.10 г.**).

То есть мы видим, что выжившие из ума Маразматика из конституционного якобы суда для **определенных** целей то рассматривают практику в сфере подлежащих установлению правоотношений, то игнорируют её и в зависимости от преследуемых целей, то есть полученных Взятки и Преференций, они и формулируют свои доводы. Если надо утереть нос Полуобразованным Подонкам из ЕСПЧ, то они изучают всё и приходят к отличным выводам, а если им надо послать подальше Жертв, то подход совершенно иной, что и **доказывает дискриминационную сущность** Маразматиков, **место которых давно уже на скамье подсудимых**. Однако в любом случае «... федеральный законодатель, наделенный **определенной** свободой усмотрения при создании **процессуальных механизмов судебной защиты права** ... (включая установление форм ее реализации, круга субъектов, оснований для обращения в суд и т.п.), **должен** стремиться к тому, чтобы они обеспечивали **эффективную** - **в контексте** объективной **специфики регулируемых правоотношений** - **возможность принудительной реализации заявленных материально-правовых требований**. Во всяком случае обращение к тем или иным способам судебной защиты не может обуславливаться возложением на заинтересованное лицо **необоснованных и чрезмерных обременений**, которые своей тяжестью могли бы **обесмыслить достигнутые процессуальные результаты** и тем самым **обесценить саму возможность** доступа к правосудию...» (абзац 6 п. 2 мот. части **Постановления КС РФ № 20-П от 11.07.17 г.**).

2.19 Решая вопрос о подсудности возобновления производства по делу ввиду вновь открывшихся обстоятельств необходимо иметь ввиду доводы Конституционного Суда, выраженные в абзаце 5 п. 2.1 мот. части Постановления № 9-П от 14.05.15 г.: «Следовательно, **конституционное требование** о законном суде предполагает не только наличие в процессуальном законе положений, определяющих тот суд и того судью, к подсудности которых относится рассмотрение **конкретного дела**, но и **согласование** с этими положениями **соответствующих норм о судопроизводстве и судоустройстве**, с тем чтобы были **соблюдены конституционные гарантии судебной защиты** в разумный срок и **требования, обеспечивающие ее эффективность**. Законодательное регулирование, не отвечающее данным критериям, создает возможность неоднозначного истолкования и произвольного применения **соответствующих** норм, порождает противоречивую правоприменительную практику и тем самым **нарушает конституционные гарантии государственной, в том числе судебной, защиты прав, свобод и законных интересов граждан**, включая реализуемые в процедурах уголовного преследования за совершение преступления (статья 45; статья 46, части 1 и 2; статья 49, часть 1, Конституции Российской Федерации)».

В абзаце 2 п. 2.2 мот. части Постановления № 9-П от 14.05.15 г. разъяснено еще более определенно: «При этом **значимым ориентиром** для разрешения коллизии

законов в контексте конституционных предписаний **в любом случае** является **требование о приоритетности прав и свобод человека и гражданина**, которые, в частности, определяют смысл, содержание и применение законов (**статьи 2 и 18 Конституции Российской Федерации**). Именно **это требование** прежде всего предполагает **содержательную согласованность норм**, определяющих организацию государственной, в том числе судебной, власти, с нормами о деятельности органов публичной власти в соответствующих сферах: **ни в законотворчестве, ни в правоприменении недопустима ситуация, когда необходимость полноценной реализации процессуальных гарантий приносится в жертву простоте и очевидности организационных решений в сфере судоустройства**. Иное противоречило бы правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой **цели одной только рациональной организации деятельности органов государственной власти, включая судебную, не должны создавать затруднения при реализации прав граждан и не могут оправдывать отступление от закрепленных в Конституции Российской Федерации и конкретизированных в процессуальном законодательстве гарантий права на судебную защиту**».

2.19.1 Мы должны ясно понимать, что «**принципы беспрепятственного и равного доступа к правосудию, равной защиты закона признаны международным сообществом в качестве фундаментальных**... Право на судебную защиту предполагает **конкретные гарантии эффективного восстановления в правах** посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости. Из статьи 46 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 19 (часть 1), 47 (часть 1) и 123 (часть 3), закрепляющими равенство всех перед законом и судом, право каждого на рассмотрение его дела **в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом**, и принцип осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, следует, что конституционное **право на судебную защиту - это не только право на обращение в суд, но и возможность получения реальной судебной защиты в форме восстановления нарушенных прав и свобод в соответствии с законодательно закрепленными критериями**, которые в нормативной форме (в виде общего правила) предопределяют, **в каком суде и в какой процедуре подлежит рассмотрению конкретное дело**, что позволяет суду (судье), сторонам, другим участникам процесса, а также иным заинтересованным лицам избежать правовой неопределенности в этом вопросе. **Одним из важных факторов, определяющих эффективность восстановления нарушенных прав, является своевременность защиты прав участвующих в деле лиц**» (абзацы 2, 4 п. 2 мот. части Постановления КС № 5-П от 01.03.12 г.)

2.19.2 В абзацах 2, 3 п. 2 мот. части Постановления № 20-П от 20.07.12 г. Конституционный Суд РФ пришел к выводу о том, что «**праву на судебную защиту и его необходимой составляющей - праву на законный суд**, как они определены указанными статьями Конституции Российской Федерации, корреспондирует провозглашенное Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (**пункт 1 статьи 6**) и Международным пактом о гражданских и политических правах (**пункт 1 статьи 14**) право каждого при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого **предъявленного ему уголовного обвинения на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона**. По смыслу названных положений Конституции Российской Федерации и **международно-правовых актов, являющихся в силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации составной частью правовой системы Российской Федерации, право каждого на судебную защиту предполагает, в частности, что рассмотрение дела должно осуществляться не произвольно выбранным, а законно установленным судом, т.е. судом, компетенция которого по рассмотрению данного дела определяется на основании закрепленных в законе критериев, которые в нормативной форме (в виде общего правила) заранее - ДО возникновения спора или иного правового конфликта - предопределяют, в**

каком суде подлежит рассмотрению то или иное дело, а также в каких случаях и в каком порядке ДОПУСТИМО ИЗМЕНЕНИЕ ПОДСУДНОСТИ, что позволяет суду (судье), сторонам и другим участникам процесса избежать правовой неопределенности в этом вопросе...».

2.19.3 В абзацах 3, 4 п. 2 мот. части последнего на эту тему Постановления КС РФ № 24-П от 17.10.17 г. разъяснено: «... подсудность дел предполагает **установление законом** разграничения как **предметной компетенции**, в том числе между судами общей юрисдикции и арбитражными судами, так и в рамках каждого вида юрисдикции - для определения **конкретного** суда, **уполномоченного рассматривать данное дело**; в таком законе **должны** быть закреплены критерии, которые в нормативной форме (в виде общего правила) предопределяли бы, в каком суде подлежит рассмотрению то или иное дело, что позволило бы суду (судье), сторонам и другим участникам процесса избежать неопределенности в данном вопросе, которую в противном случае приходилось бы устранять посредством правоприменительного решения, т.е. исходя из дискреционного полномочия правоприменительного органа или должностного лица, и тем самым определять подсудность дела не на основании закона; **несоблюдение установленной федеральным законодателем подсудности дел нарушает конституционное предписание о законном суде, а через это - и само право на судебную защиту; рассмотрение дела вопреки правилам о подсудности не отвечает требованию справедливого правосудия, поскольку суд, не уполномоченный на рассмотрение данного конкретного дела, по смыслу статей 46 и 47 Конституции Российской Федерации, не является законным судом, принятые же в результате такого рассмотрения судебные акты не могут признаваться реально обеспечивающими права и свободы** (...). Приведенные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, раскрывающие содержание конституционного права на судебную защиту, относятся к определению и **компетентного** суда, и **характера судебной инстанции**, и **подлежащей применению процедуры** пересмотра судебного акта, которые устанавливаются законом и **не могут быть произвольно изменены** решением правоприменительного органа, в том числе самим судом. Кроме того ... поскольку в рамках судебной защиты прав и свобод предусматривается и обжалование в суд решений и действий (бездействия) любых государственных органов, включая судебные, отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт не согласовывалось бы с универсальным правилом эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости, умаляло бы и ограничивало данное право; при этом **институциональные и процедурные условия пересмотра ошибочных судебных актов во всяком случае должны отвечать требованиям процессуальной эффективности, экономии в использовании средств судебной защиты, прозрачности осуществления правосудия, исключать возможность затягивания или необоснованного возобновления судебного разбирательства и тем самым обеспечивать справедливость судебных решений и вместе с тем - их правовую определенность**, включая признание законной силы и **неопровержимости** (res judicata), без чего **недостижим баланс** публично-правовых и частноправовых интересов (...).».

2.19.4 Говоря об этом я имею ввиду ст. 20 ФКЗ «О судебной системе РФ» в контексте ч. 3 ст. 5, определяющей иерархию применения законов и конечно же ч.ч. 1, 2 ст. 11 ГПК РФ, ч.ч. 1, 2, 3 ст. 15 КАС РФ и т.п.:

1. Верховный суд республики, краевой (областной) суд, суд города федерального значения, суд автономной области, суд автономного округа в пределах своей компетенции рассматривают дела в качестве суда первой и второй инстанции, в порядке надзора **и по вновь открывшимся обстоятельствам**.

2. Перечисленные в **части 1** настоящей статьи суды являются непосредственно вышестоящими судебными инстанциями по отношению к районным судам, действующим на территории соответствующего субъекта Российской Федерации.

3. Полномочия, порядок образования и деятельности судов, перечисленных в **части 1** настоящей статьи, устанавливаются федеральным конституционным законом.

2.19.5 В силу статья 21 ФКЗ «О судебной системе РФ»:

1. Районный суд в пределах своей компетенции рассматривает дела в качестве суда первой и второй инстанции и осуществляет другие полномочия, предусмотренные

федеральным конституционным законом.

2. Районный суд является непосредственно вышестоящей судебной инстанцией по отношению к мировым судьям, действующим на территории соответствующего судебного района.

3. **Полномочия**, порядок образования и деятельности районного суда **устанавливаются федеральным конституционным законом.**

2.19.6 В силу ч. 3 ст. 5 ФЗК «О судебной системе РФ»: «Суд, установив при рассмотрении дела несоответствие акта государственного или иного органа, а равно должностного лица Конституции Российской Федерации, федеральному конституционному закону, федеральному закону, общепризнанным принципам и нормам международного права, международному договору Российской Федерации, конституции (уставу) субъекта Российской Федерации, закону субъекта Российской Федерации, **принимает решение в соответствии с правовыми положениями, имеющими наибольшую юридическую силу**».

2.19.7 Таким образом, вопрос о возобновлении производства ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств в субъекте Российской Федерации может быть решен **только** областным, краевым и т.п. судом. Это следует и из смысла абзаца 1 п. 8 мот. части **Постановления КС № 4-П от 02.02.96 г.**: «**Ограниченность ... оснований, при которых для исправления судебных ошибок допускается повторное рассмотрение дела той же судебной инстанцией, не соответствует в полной мере существующей социальной и правовой реальности**». При этом необходимо ясно понимать, что **никакой** суд **не праве** давать оценку тем решениям, которые он же принял при установлении вопросов факта и права, что безусловно исключает его из производства по делу и что неоднократно было установлено как Верховным Судом РФ (например, **Постановление Президиум Верховного Суда РФ от 30.03.16 г. по делу № 5-П16**), так и Конституционным Судом РФ (например, **Определение № 800-О-О от 01.11.07 г.**), а также ЕСПЧ (например, **Постановление от 03.02.11 г. по делу «Игорь Кабанов против РФ»**).

2.20 Также необходимо иметь ввиду, что отказ прокурора возобновлять производство по делу ввиду вновь открывшихся обстоятельств, как и невынесение прокурором самого постановления по жалобе могут быть обжалованы в суд в порядке ст. 125 УПК РФ, что разъяснено, например, в Определениях КС № 1306-О от 29.05.14 г., № 2844-О от 23.12.14 г. В п. абзаце 2 п. 2 мот. части Определения КС № 495-О от 24.03.15 г. по этому поводу **предписано**: «Заявитель не лишен права обжаловать отказ прокурора в возбуждении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств даже в том случае, если такой отказ не оформлен в виде постановления (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 года N 369-О, от 17 ноября 2009 года N 1409-О-О и от 21 июня 2011 года N 801-О-О)».

2.21 При этом вновь обращаю внимание на **основное** обстоятельство, являющееся **безусловным основанием** для возобновления дела в процедуре вновь открывшихся обстоятельств: **процедуру вновь открывшихся обстоятельств определяет природа действий судьи на момент выносимого решения.** То есть когда «судья» совершает коррупционные действия в интересах другой стороны и с **этой преступной целью** лишает другую сторону возможности представлять **доказательства в обоснование своих доводов** (§§ 47 -55 **Постановления от 13.03.18 г. по делу «Аниканко и Басов-Гринев против РФ»**), то есть лишает Жертв возможности давать объяснения по делу; в нарушение абзаца 2 п. 2.1 Постановления КС РФ № 37-П от 06.12.17 г., абзаца 2 п. 2.1 мот. части Постановления КС РФ № 37-П от 07.12.17 г., абзацев 2, 3 п. 9 ППВС РФ № 25 от 23.06.15 г. «О применении судами некоторых положений раздела I части 1 ГК РФ», Постановления Президиума Верховного Суда РФ от 26.10.16 г. по делу № 6-ПВ16 не приводит мотивы, по которым отвергает те нормы права, на которые ссылаются Жертвы; нарушает фундаментальный принцип презумпции невиновности, то есть не опровергает доводы Жертвы, которые должны толковаться в её пользу в силу п. 2 ст. 14 Пакта, п. 2 ст. 6 Конвенции, ч. 3 ст. 49 Конституции РФ, ст. 14 УПК РФ, ч. 1 ст. 68, ч. 3 ст. 79 ГПК РФ и т.п., что и позволяет выносить коррупционные решения и чем **создаются ситуации конфликтов интересов**, являющиеся безусловным основанием для отвода правоХоронителя в силу п. 3 «с» Принципа V Рекомендации № R(94)12 Комитета министров СЕ о

независимости, эффективности и роли судов, принятой 13.10.94 г., ч. 2 ст. 3 Закона «О статусе судей в РФ», ч. 1 ст. 10, ч. 5 ст. 11 ФЗ «О противодействии коррупции».

2.21.1 Поэтому вновь напоминаю, что, во-первых, «... необходимо проводить различие между частными лицами и лицами, действующими в общественном контексте... Соответственно, в то время, как частное лицо, неизвестное общественности, может требовать особой защиты своего права на частную жизнь, то же самое не относится к общественным деятелям (...). Для них пределы критических комментариев шире, поскольку они неизбежно и сознательно подвергаются общественному контролю и поэтому должны проявлять особенно высокую степень толерантности (...)» (§ 62 Постановления от 09.01.18 г. по делу «ГРА Фонд против Расизма и Антисемитизма против Швейцарии»). А, во-вторых, «... Европейский Суд рассматривал сферу, определенную в некоторых правовых системах как "административная", и установил, что она включает в себя некоторые правонарушения, имеющие уголовно-правовой характер, но слишком мелкие, чтобы регулироваться нормами уголовного права и процесса (...). В этом случае квалификация согласно внутригосударственному законодательству не имеет решающего значения для целей статьи 6 Конвенции, и природа рассматриваемого нарушения является более важным фактором (...)» (§ 57 Постановления ЕСПЧ от 19.11.15 г. по делу «Михайлова против РФ»).

2.21.2 «... Вопрос, требующий ответа, заключается в справедливости разбирательства в целом, включая способ получения доказательств. Это включает исследование указанной "незаконности" и, если нарушено другое конвенционное право, природы установленного нарушения. При определении того, являлось ли разбирательство справедливым в целом, следует учитывать, соблюдались ли права защиты, в частности, имел ли заявитель возможность оспаривать подлинность доказательств и их использование (...). Кроме того, должно учитываться качество доказательства, а именно не ставят ли под сомнение достоверность и правильность доказательства те обстоятельства, при которых оно было получено (...). Действительно, если оспаривается достоверность доказательства, наличие справедливых процедур проверки допустимости доказательства приобретает еще более важное значение (§§ 82, 83 Постановления ЕСПЧ от 06.10.15 г. по делу «Турбылев против РФ»).

2.21.3 «Второй критерий - природа преступления - более важен» (§ 38 Постановления ЕСПЧ от 23.11.06 г. по делу «Йюссила против Финляндии»). При этом «Право на судебную защиту (а следовательно, и право на исполнение судебных решений) носит публично-правовой характер, поскольку может быть реализовано лишь с помощью государства, создающего для этого необходимые институциональные и процессуальные условия. Соответственно, по смыслу статьи 46 Конституции Российской Федерации и статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, нарушение данного права, исходя из его природы, возможно лишь со стороны государства как субъекта, призванного гарантировать и обеспечивать его реализацию посредством установления конкретных процедур, включая установление системы мер, позволяющих в своей совокупности организовать и обеспечить эффективное и своевременное исполнение судебных решений» (абзац 5 п. 2.1 мот. части Определения № 45-О от 18.01.11 г. КС РФ), то есть привлечь к уголовной ответственности российских правоохранителей по ст. 315 УК РФ за их неисполнение, что опять-таки разъяснено в п. 5 мот. части Определения КС № 65-О от 19.04.01 г. с учетом Постановления КС РФ № 25-П от 08.11.12 г.

2.21.4 Однако в любом случае «... предоставление заинтересованным лицам возможности добиваться исправления допущенных ошибок посредством проверки вышестоящими судами законности и обоснованности решений, вынесенных нижестоящими судебными инстанциями, является одной из важных гарантий конституционного права на судебную защиту и восстановление в правах. Требования справедливого правосудия и эффективного восстановления в правах применительно к решениям соответствующих судебных инстанций, вытекающие из статей 46 (части 1 и 2) и 50 (часть 3) Конституции Российской Федерации, пункта 5 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, статьи 2 Протокола N 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод,

предполагают **обязательность фактического и правового обоснования** принимаемых судами решений, в том числе - обоснования отказа в отмене или изменении обжалуемого судебного акта, **что невозможно без последовательного рассмотрения и оценки доводов соответствующей жалобы**... оспариваемые заявителями положения уголовно-процессуального закона **не предоставляют** соответствующим должностным лицам органов прокуратуры, а также судам кассационной или надзорной инстанции **возможность игнорировать** или **произвольно отклонять** доводы жалоб на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, **не приводя фактические и правовые мотивы отказа** в удовлетворении заявленных требований, поскольку мотивировка решения **во всяком случае должна основываться на рассмотрении** конкретных обстоятельств, нашедших отражение в материалах дела и **дополнительно представленных сторонами материалах**, а также **на нормах материального и процессуального права**, - иначе **не может быть обеспечено объективное и справедливое разрешение уголовного дела.** Конституционно-правовой смысл предписаний Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, **обязывающих** мотивировать судебные решения, в том числе **приводить доводы, подтверждающие законность и обоснованность обжалованных судебных актов**, применительно к обвинительному приговору и подтверждающим его обоснованность судебным решениям обусловлен также **взаимосвязанными** конституционными принципами **состязательности, равноправия сторон** в судопроизводстве и **презумпции невиновности**, из которых следует, что эти решения могут быть вынесены **только после рассмотрения и опровержения доводов, выдвигаемых стороной защиты**, в том числе в жалобах на состоявшийся приговор; **не опровергнутые же доводы против обвинительных судебных решений могут толковаться только в пользу обвиняемого**. Отказ от **рассмотрения и оценки обоснованности доводов защиты в жалобах на судебные решения в этом случае создает преимущества для стороны обвинения, искажает содержание ее обязанности по доказыванию обвинения и опровержению сомнений в виновности лица, позволяя игнорировать подтверждающие эти сомнения данные**... нормы статей 14, 15, 307, 379, 381 и 388 УПК РФ, которые **не могут расцениваться как допускающие освобождение** судов, иных правоприменительных органов и должностных лиц **от рассмотрения и оценки всех доводов заявлений, ходатайств или жалоб участников уголовного судопроизводства**, а также мотивировки своих решений путем указания на конкретные, достаточные с точки зрения принципа разумности, основания, по которым эти доводы отвергаются рассматривающим соответствующее обращение органом или должностным лицом...» (Определение КС РФ № 307-О от 12.07.05 г.)

2.21.5 Что касается наглого нарушения российскими правоХоронителями принципа презумпции невиновности, то смысл и содержание этого принципа достаточно подробно разъяснен в п.п. 1.9 – 1.9.9 жалобы № 3029-3 (<https://goo.gl/FDiXo1>). Однако я напоминаю, что «Согласно Уголовно-процессуальному кодексу РФ суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты (**часть третья статьи 15**), а бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения (**часть вторая статьи 14**); при этом **все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном данным Кодексом, толкуются в его пользу, и ДО полного опровержения его невиновности** обвиняемый **продолжает считаться невиновным** (**части первая и третья статьи 14**). Данные предписания основаны на положениях **статей 49 и 123 Конституции Российской Федерации**, следуя которым и учитывая, что презумпция невиновности **диктует признание судом** всех фактов, свидетельствующих в пользу обвиняемого, пока они **не опровергнуты** стороной обвинения **в должной процессуальной форме**, Уголовно-процессуальный кодекс РФ устанавливает **требования** к доказыванию виновности лица и к **оценке судом** доказательств, которая, согласно его **статье 17**, осуществляется **судьей**, присяжными заседателями, а также прокурором,

следователем, дознавателем по их внутреннему убеждению, **основанному** на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, исходя из того, что **никакие доказательства не имеют заранее установленной силы**» (абзацы 1, 2 п. 3.1 мот. части Постановления КС № 30-П от 21.12.11 г.).

Также следует не забывать и о том, что «Презумпция невиновности, закрепленная в п. 2 статьи 6, является одним из элементов справедливого судебного разбирательства, о котором говорит п. 1 той же статьи (...). Этот принцип нарушается, если суд объявит обвиняемого виновным, в то время как его виновность **не была предварительно доказана**. Если отсутствуют **формальные подтверждения** этого, достаточно, чтобы **мотивация** судьи давала **основания** полагать, что он предполагал обвиняемого виновным (...)... эта статья применима и к ряду других дел, когда национальные суды не выносили решения о виновности (...)... Конвенция должна толковаться так, чтобы гарантировать конкретные и реальные, а не иллюзорные и теоретические права (...). Это касается и права, закрепленного в статье 6 п. 2 (§ 35 Постановления от 10.02.95 г. по делу «Аллене де Рибмон против Франции»)... посягательство на презумпцию невиновности может исходить не только от судьи или от суда, но и от других публичных властей» (§ 36 там же).

2.21.6 Вывод. В любом случае установление **природы правоотношений** (§ 38 Постановления ЕСПЧ от 23.11.06 г. по делу «Йюссила против Финляндии») имеет **решающее** значение и именно она определяет подлежащие применению нормы права. Без установления природы правоотношений **недопустимо** говорить и о самих правах. Я согласен с позицией ЕСПЧ, выраженной в §§ 84, 85 Постановления от 15.10.09 г. по делу «Микаллефф против Мальты» в том, что «следует **тщательно изучить** характер ... меры, ее объект и цель, а также ее **последствия для рассматриваемого права**». То есть, лишая Жертву прав, нарушитель **обязан** указать на правовые последствия с **указанием тех норм**, которые и позволяют нарушать права и ту инстанцию, где эти права **должны** быть защищены с **восстановлением положения, существовавшего до нарушения права**. И поэтому вновь напоминаю, что «... даже если суды не обязаны изложить мотивы отказа по каждому доводу сторон (...), тем не менее, **они не освобождены от обязанности рассматривать их надлежащим образом и давать оценку ОСНОВНЫМ ВЫДВИНУТЫМ ДОВОДАМ** (...). Кроме того, **если эти доводы относятся к "правам и свободам", гарантированным Конвенцией и Протоколами к ней, национальные суды ДОЛЖНЫ рассматривать их в обязательном порядке и с особой тщательностью**» (§ 96 Постановления от 28.06.07 г. по делу «Вагнер против Люксембурга»).

2.22 Вопросы произвола и злоупотребления правом рассмотрены в п.п. 1.3 – 1.3.22.2 выше (заяв.№3040Произвол5: <https://drive.google.com/open?id=1YzsGaAcvSdPi2cVvzimvIojQTTdCKWh4>). Фактом является то, что они **должны** порождать **правовые последствия** в виде возобновления производства по делу **именно** в виду вновь открывшихся обстоятельств, так как произвол и злоупотребление правом **на момент** выносимого решения являются составной частью **коррупции, которая отражается в принимаемом решении, направленном на причинение вреда** лицу, интересы которого судебным решением **должны** быть защищены и именно **произвол и злоупотребление правом** правоХоронителя **порождают правовые последствия** возобновления производства ввиду вновь открывшихся обстоятельств, так как **они определяют природу** вновь открывшихся обстоятельств. **Это основные признаки**, которые обуславливают именно **этот** вид производства.

2.22.1 Однако мы должны ясно понимать, что «Суд **уполномочен на рассмотрение и разрешение дела в соответствии с законом. Он не выполняет эту свою обязанность, если совершает процессуальные нарушения. Какие-либо неосознанные действия судей при этом невозможны**... При привлечении к ответственности за неосторожное преступление считается, что **гражданин мог** и (Морщаковой Т.Г. и Петрухина И.Л. «Оценка качества судебного разбирательства (по уголовным делам)», Москва, «Наука», 1987 г., стр. 91) **должен** был **предвидеть** последствия своих действий или не вправе был полагать, что сумеет предотвратить наступление вредных последствий. **С этих позиций** не менее обоснованно звучит и **требование к судьям** не надеяться на то, что их действия, **существенно противоречащие закону**, могут не повлиять на законность и обоснованность

приговора. **Вооруженные знанием закона**, судьи, во всяком случае, если и не сознают, то **должны сознавать**, в каждой конкретной ситуации, что **совершают процессуальные нарушения** и что это **неизбежно приведет** к признанию вынесенного ими приговора незаконным и необоснованным. Однако чаще всего это, конечно, область внутренней не объективированной в процессуальном законе самооценки судьи. Внешне в тексте закона она связана с классификацией оснований отмены и изменения приговоров, когда речь идет о **безусловных основаниях** отмены, закрепленных в ч. 2 ст. 345 УПК РСФСР. Предусмотренные данной нормой в качестве оснований для отмены приговора существенные нарушения уголовно-процессуального закона **должны всегда рассматриваться как виновные**, хотя и неосторожные действия. **Закон в этих случаях исключает возможность для суда, вынесшего приговор, сослаться на свое мнение, убеждение, усмотрение по поводу того, что допущенные им существенные процессуальные нарушения не могли повлиять на законность и обоснованность разрешения дела. Признание нарушений**, указанных в ч. 2 ст. 345 УПК, существенными и всегда влекущими отмену приговора **не связано с внутренним убеждением судьи**. **Одно только знание точно сформулированных в этой норме запретов** (а такое знание у судьи презюмируется) **исключает возможность невинного их нарушения** (стр. 92 там же). Если судья «забыл» о действующих для конкретной процессуальной ситуации **процедурных правилах**, соблюдение которых **обязательно** по любому делу, и допустил процессуальное нарушение, то **он нарушил свои прямые должностные обязанности**. Судья **должен знать**, последовательно **применять и не нарушать конкретные нормы закона**. Латинское *Judex lex loquens est* (Судья есть говорящий закон)- это категоричное положение, утверждение **обязанностей** суда. Совершенно прав И.С. Самощенко, когда указывает, что **государственные учреждения** (а это относится и к суду) **не могут быть освобождены от ответственности из-за незнания закона, если они принимают в силу этого незнания нарушающие закон решения**. Процессуальные нарушения, предусмотренные в качестве **безусловных оснований** отмены приговоров в ч. 2 ст. 345 УПК РСФСР, несомненно отличаются от ряда других видов процессуальных нарушений с субъективной стороны. Если они, **аналогично уголовным преступлениям, точно перечислены в законе как безусловные основания** отмены приговора, то ни незнание закона, ни мнение о несущественности такого нарушения в конкретном деле **не могут быть оправданием для судей**» (стр. 93 там же во **взаимосвязи** с п. 44 Заключения).

2.23 Также мы должны всегда иметь в виду, что средство правовой защиты, гарантированное п. 6 ст. 14 Пакта, п. 2 ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции, которым и является возобновление производства ввиду вновь открывшихся обстоятельств, **должно** быть эффективным, то есть **«предотвращать предполагаемое нарушение или его прекращать, равно как и предоставлять адекватную компенсацию за уже произошедшее нарушение (...)**» (§ 16 **Постановления от 24.02.05 г. по делу «Познахирина против РФ»**), а сами доводы Жертвы должны быть рассмотрены по **существу** (§ 96 **Постановления от 04.02.03 г. по делу «Лорсе и другие против Нидерландов»**, § 122 **Постановления от 05.09.17 г. по делу «Бэрбулеску (Barbulescu) против Румынии»**) и на них **должен** быть предоставлен **адекватный** ответ (абзац 5 п. 2 мот. части Определения КС № 42-О от 25.01.05 г.). При этом **«конституционное право на защиту**, включающее право подсудимого **требовать исследования имеющих значение для его защиты обстоятельств и доказательств**, обеспечивается всей совокупностью предусмотренных уголовно-процессуальным законом процедур, предполагающих **различные способы и возможности выявления и устранения судебных ошибок**» (абзац 3 п. 2 мот. части Определения КС № 233-О от 27.10.2000 г.).

2.24 **Общий вывод**. Таким образом, нерассмотрение доводов Жертвы **в любой** инстанции, которые влияют на подлежащие установлению правоотношения, является нарушением п.п. 1, 2 ст. 6 Конвенции в части права на справедливое разбирательство дела с соблюдением принципа презумпции невинности и **это является безусловным основанием для возобновления производства в процедуре именно ввиду вновь открывшихся обстоятельств С МОМЕНТА допущенного нарушения, так как этот момент нарушения повлиял на качество самого решения**. Этот вывод следует как из требований ЕСПЧ, выраженных,

например, в § 86 **Постановления от 18.05.04 г. по делу «Шомодьи против Италии»**: «Если заявитель осужден, несмотря на нарушение его прав, гарантированных **статьей 6** Конвенции, он **должен** быть, насколько это возможно, **поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы требования этого положения не были нарушены**, и что наиболее целесообразной формой возмещения было бы, в принципе, новое рассмотрение дела или **возобновление производства по нему, при наличии такого требования**», так и Конституционного Суда РФ, выраженных в п. 2.7 мот. части Определения КС № 683-О-О от 21.10.08 г.: «Суд кассационной инстанции решает этот вопрос не произвольно, а в зависимости от того, **на какой стадии** производства по делу судом первой инстанции были допущены нарушения закона, повлекшие отмену приговора, и, **соответственно, на какой стадии они должны быть исправлены**». То же разъяснение содержится и в п. 2 мот. части Определения КС № 666-О от 11.05.12 г.

При этом нарушение **принципа презумпции невиновности** выражается **не столько в высказывании мнения о вине Жертвы до вынесения приговора, сколько в фальсификации и не рассмотрении мнения Жертвы в самом решении**, что **должно** быть предметом рассмотрения не только в порядке возобновления производства по делу ввиду вновь открывшихся обстоятельств, но, прежде всего, в рамках уголовного производства с целью **выявления фальсификации**, как самостоятельного преступления, **исключающего применение** вынесенного решения. То есть, **нарушение принципа презумпции невиновности – это основной и определяющий признак фальсификации доказательств по делу.**

Тем более, что «В качестве **единого способа** опровержения (преодоления) преюдиции **во всех видах судопроизводства** должен признаваться пересмотр судебных актов **по вновь открывшимся обстоятельствам**, к числу **оснований** которого относится установление приговором суда совершенных при рассмотрении ранее оконченного дела преступлений против правосудия, включая фальсификацию доказательств. Принятые в порядке гражданского судопроизводства и вступившие в законную силу решения судов по гражданским делам не могут рассматриваться как предвещающие выводы суда при осуществлении уголовного судопроизводства о том, содержит ли деяние признаки преступления, а также о виновности обвиняемого, которые **должны основываться** на всей совокупности доказательств по уголовному делу, в том числе на **не исследованных ранее при разбирательстве гражданского дела данных**, указывающих на **подлог или фальсификацию доказательств**, - **такого рода доказательства исследуются в процедурах, установленных уголовно-процессуальным законом**, и могут в дальнейшем повлечь пересмотр гражданского дела» (абзац 3 п. 2 мот. части Определения КС № 2051-О от 22.11.12 г.).

2.24.1 Но **в любом случае** «... федеральный закон ... **не может отменять или урезать права и свободы человека и гражданина, посягать на их основное содержание** (статья 55, часть 2 Конституции РФ), а также **вводить какие-либо ограничения конституционных прав, которые не вызваны необходимостью защиты социальных ценностей, перечисленных в статье 55 (часть 3) Конституции РФ, так как это ведет к умалению прав и свобод граждан. ... Ошибочное судебное решение не может рассматриваться как справедливый акт правосудия и должно быть исправлено...** установление в законе фактического запрета обращаться к органам судебной власти за защитой от ошибочных решений ... означает для человека обязанность подчиниться незаконному, необоснованному осуждению. **Лишение права оспаривать такое осуждение явно умаляет достоинство личности. Между тем в соответствии со статьей 21 Конституции РФ "ничто не может быть основанием для его умаления"**» (п. 6 мот. части **Постановления КС РФ № 4-П от 02.02.96 г.**).

«Судебное решение, **если существенно значимые обстоятельства события, являющегося предметом исследования по уголовному делу, отражены в нем неверно, не может рассматриваться как справедливый акт правосудия и должно быть исправлено независимо от того, что послужило причиной его неправосудности** ...» (абзац 2 п. 3 мот. части Постановления КС № 6-П от 16.05.07

г.). «**Неспособность, нежелание** суда учитывать **обоснованные** предложения участвующих в судопроизводстве лиц, в какой бы процессуальной форме они ни были выражены, - **один из существенных показателей низкой оценки уровня судебной деятельности** (Морщаковой Т.Г. и Петрухина И.Л. «Оценка качества судебного разбирательства (по уголовным делам), Москва, «Наука», 1987 г., стр. 52 во взаимосвязи с п. 44 Заключения)... **Вооруженные знанием закона**, судьи, во всяком случае, если и не сознают, то **должны сознавать**, в каждой конкретной ситуации, что **совершают процессуальные нарушения** и что это **неизбежно приведет** к признанию вынесенного ими приговора незаконным и необоснованным. Однако чаще всего это, конечно, область внутренней не объективированной в процессуальном законе самооценки судьи. Внешне в тексте закона она связана с классификацией оснований отмены и изменения приговоров, когда речь идет о **безусловных основаниях** отмены, закрепленных в ч. 2 ст. 345 УПК РСФСР. Предусмотренные данной нормой в качестве оснований для отмены приговора существенные нарушения уголовно-процессуального закона **должны всегда рассматриваться как виновные**, хотя и неосторожные действия. **Закон в этих случаях исключает возможность для суда, вынесшего приговор, сослаться на свое мнение, убеждение, усмотрение по поводу того, что допущенные им существенные процессуальные нарушения не могли повлиять на законность и обоснованность разрешения дела.** **Признание нарушений**, указанных в ч. 2 ст. 345 УПК, существенными и всегда влекущими отмену приговора **не связано с внутренним убеждением судьи. Одно только знание точно сформулированных в этой норме запретов** (а такое знание у судьи презюмируется) **исключает возможность невиновного их нарушения** (стр. 92 там же). Если судья «забыл» о действующих для конкретной процессуальной ситуации **процедурных правилах**, соблюдение которых **обязательно** по любому делу, и допустил процессуальное нарушение, то **он нарушил свои прямые должностные обязанности**. Судья **должен знать**, последовательно **применять и не нарушать конкретные нормы закона**. Латинское *Judex lex loquens est* (Судья есть говорящий закон)- это категоричное положение, утверждение **обязанностей** суда. Совершенно прав И.С. Самощенко, когда указывает, что **государственные учреждения** (а это относится и к суду) **не могут быть освобождены от ответственности из-за незнания закона, если они принимают в силу этого незнания нарушающие закон решения**. Процессуальные нарушения, предусмотренные в качестве **безусловных оснований** отмены приговоров в ч. 2 ст. 345 УПК РСФСР, несомненно отличаются от ряда других видов процессуальных нарушений с субъективной стороны. Если они, **аналогично уголовным преступлениям, точно перечислены в законе как безусловные основания** отмены приговора, то ни незнание закона, ни мнение о несущественности такого нарушения в конкретном деле **не могут быть оправданием для судей**» (стр. 93 там же).

2.24.2 Также мы **всегда** должны помнить о том, что судебное решение **должно** отвечать принципу **правовой определенности**, то есть **неопровержимости**. Для того, чтоб оно отвечало этому принципу, оно **должно** отвечать **качеству**, предъявляемому к судебному решению, то есть содержать **признаки** состоятельности и равноправия сторон и свидетельствовать о том, что стороны в процессе были услышаны (п.п. 38, 41 Заключения) и «судья **действительно ИЗУЧИЛ все основные вопросы, которые были ему представлены**». Более полно эти вопросы объяснены в п.п. 1.3 – 1.3.5 апелляционной жалобы № 3029-3 (<https://goo.gl/FDiXo1>).

Важно иметь лишь ввиду, что **судебная независимость – это право граждан** (п. 1 ст. 14 Пакта, п. 1 ст. 6 Конвенции), поскольку «**является прерогативой или привилегией действовать не в своих собственных интересах, а в интересах торжества закона и лиц, обращающихся к правосудию**» (п. 4 Заключения № 11) и **правосудие** признается таковым, когда оно **отвечает требованиям справедливости** (п. 1 ст. 14 Пакта, п. 1 ст. 6 Конвенции) и **обеспечивает эффективное восстановление в правах** (ст. 8 Всеобщей декларации) **в условиях состоятельности и равноправия сторон** (п. 1 ст. 14 Пакта, п. 1 ст. 6 Конвенции, ч. 3 ст. 123 Конституции РФ).

2.24.3 Говоря о подсудности дел рассматриваемой категории, то они **должны** рассматриваться **исключительно** президиумами областных, краевых и приравненных

к ним судов, поскольку это прямо отнесено именно законом, то есть ч. 1 ст. 20 ФКЗ «О судебной системе РФ», абзацем 1 п. 8 мот. части Постановления КС № 4-П от 02.02.96 г., которые необходимо применять во взаимосвязи с ч. 3 ст. 5 ФКЗ «О судебной системе РФ». Апелляционными и кассационными инстанциями дела такой категории не подлежат рассмотрению, а поэтому **единственным** органом, который правомочен рассматривать такие вопросы является президиум высшего суда субъекта РФ. Естественно, что апелляционной инстанцией для такой категории дел должен быть Верховный Суд РФ. При этом необходимо учитывать, что «Согласно ч. 1 ст. 63 УПК РФ, судья, принимавший участие в рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции, **не может** участвовать в рассмотрении данного уголовного дела в суде второй инстанции или в порядке надзора, а равно участвовать в новом рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции в случае отмены вынесенного с его участием приговора. В силу **общепризнанных принципов** справедливого, независимого, объективного и беспристрастного правосудия, закрепленных в статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, статье 14 Международного Пакта о гражданских и политических правах, а также положений ст. 63 УПК РФ в их конституционно-правовом истолковании, данном в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 1 ноября 2007 года N 799-О-О, **повторное участие судьи** в рассмотрении уголовного дела (поскольку оно было связано с оценкой ранее уже исследовавшихся с его участием обстоятельств по делу) **является недопустимым вне зависимости от того, было или не было отменено вышестоящим судом ранее принятое с участием этого судьи решение.** В противном случае, **высказанная судьей в процессуальном решении позиция о** наличии или отсутствии события преступления, **обоснованности вывода** о виновности в его совершении обвиняемого, **достаточности собранных доказательств** ограничивала бы его свободу и независимость при дальнейшем производстве по делу и, таким образом, могла бы поставить под сомнение объективность и беспристрастность судьи. Данные **требования о недопустимости** повторного участия судьи в рассмотрении уголовного дела **действуют на всех этапах судебного разбирательства, в том числе и при обжаловании судебных решений»** (Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 30.03.16 г. по делу № 5-П16).

2.24.4 Также прошу не забывать, что «закон не должен стесняться называть совершенное преступление **его настоящим именем...**» (§ 112 Постановления ЕСПЧ от 20.10.15 г. по делу «Василяускас против Литвы») и «...отсутствие судимости необязательно означает, что раскрытые обстоятельства не имели места, **особенно если в отношении них даже не было проведено официальное расследование**». (§ 45 Постановления от 31.05.16 г. по делу «Надтока против РФ»). Кроме того, **с учетом крупных недостатков в расследовании (...)** **невозможно заключить, что объяснения сотрудников были точны только на основании того факта, что расследование не представило доказательств обратного** (§ 96 Постановления от 28.09.15 г. по делу «Буид против Бельгии»).

Однако важно иметь ввиду, что **большинству «судей» ЕСПЧ присущ скудный анализ проблем** и «**избежание обсуждения возможных стереотипов и их применения** (...). По моему мнению, Европейский Суд **не должен воздерживаться от наименования различных форм стереотипов и должен всегда оценивать их некорректность. Невозможно изменить реальность, не называя ее**» (п. 3 совпадающего особого мнения судьи Ксении Туркович Постановления БП от 24.01.17 г. по делу «Хамтоху и Аксенчик против РФ»).

К сожалению, поскольку Полуобразованные Подонки из ЕСПЧ не выполняют возложенные на них функции, поэтому «**права, гарантированные Конвенцией,...** **лишены какой-либо реальной ценности**» (§ 36 Постановления от 25.10.16 г. по делу «Джураев и Шалкова против РФ»).

20.03.18 г.

Усманов Р.Р.